

ОПЫТ КОМПЛЕКСНОГО РАССМОТРЕНИЯ ИСТИНЫ И СПРАВЕДЛИВОСТИ

Поиск истины важнее, чем обладание истиной¹.

Альберт Эйнштейн (нем. Albert Einstein) [1:213]

Введение

Если истину полагать высшим регулятивом познания, а справедливость – ведущим этическим императивом [2], то очевидно, что указанные понятия относятся как методическое и практическое проявления друг друга: справедливость есть реализация истины, или, по выражению Бенджамина Дизраэли (англ. Benjamin Disraeli)², «истина в действии» [1:513]. При наличии теоретического проявления, содержащего третье, метафизическое понятие, образуется законченная триада: реальность как центральная категория метафизики, истина как главная проблема гносеологии и справедливость как ведущая тема этики.

Вместе с тем, сама семантическая пара «истина – справедливость», находясь в некотором внутреннем отношении, может быть описана с позиции диалектики абсолютного идеализма, в рамках которой она обретает третье, завершающее триаду понятие, связующее полюса лексической оппозиции. Последняя заключается в том, истинно ли то, что справедливо и справедливо ли то, что истинно, и если да, то в какой мере и степени?

Рассмотрение указанных категорий повторяет их предметное отношение и выражается в трёх аспектах, каждый из которых соотносится с уровнем общественного развития. Каждый аспект также опирается на научные дисциплины, изучающие с разных позиций и разными методами общество и его проявления: экономику, юриспруденцию, политологию, теорию религий и мифологию, психологию, филологию в её понимании до 18 века [3], лингвистику, историю, науковедение, логику и философию.

Хозяйствование и становление государственного управления образуют практический аспект, в котором данные понятия преломляются сквозь призму производства и распределения материальных благ. Здесь выделяется собственно хозяйство – первая ступень, образующая экономический субаспект. Его развитие сообщает импульс к появлению права как нормативной системы, организующей распределение материальных благ, что порождает юридический субаспект. Развитие права до уровня самостоятельного общественного явления порождает политику как деятельность создателей и исполнителей права, выражающуюся в политическом субаспекте.

Необходимость кумуляции практических представлений об истине и справедливости и их передачи в череде поколений создает методический аспект. Смысл такого названия в том, что в рамках этого аспекта раскрываются методы, способы закрепления данных воззрений в общественной памяти. Первым уровнем хронологически является религия, образующая корпус мифов, т.е. – мифологический субаспект. Его укоренение в сознании индивидов обеспечивает формирование персональной ответственности в форме норм поведения как части психики и образует психологический субаспект. Вторичное воплощение психики в литературном и ином творчестве образует филологический субаспект.

Вхождение представлений в общественное сознание переводят их в область, в которой

---

¹ Девиз и эпиграф.

² Телепередача «Брачное чтение. Путь справедливости», однако, вместе с [216 сайтами Рунета](#) упорно полагает автором этого изречения Жозефа Жубера (фр. Joseph Joubert).

они могут быть обнаружены только путем аналитических изысканий. Такой областью является язык. Сам по себе он определяет лингвистический субаспект. Диахроническое развитие языка (во времени) как основы этноса и культуры в целом образует историю и создаёт исторический субаспект. Синхроническое (в социальном пространстве) означает общество в момент времени; в данном случае необходимо сосредоточить внимание на науке, что определяет логический субаспект (от *λογος* – наука и от названия «логика»).

Три эти аспекта образуют дифференциально-дисциплинарный супераспект, который является основой для интегрального рассмотрения. Оно выражается в слиянии исследования в рамках междисциплинарного подхода интегрального субаспекта. Тот дает почву для изысканий в сфере общефилософского субаспекта: с позиций академической философии. Наконец, вершина понимания проблемы – это частнофилософский субаспект, представляющий собой мнение отдельного автора. Три эти подуровня образуют интегрально-философский аспект.

Рассмотрение поставленной проблемы в данном сочинении носит преимущественно теоретический характер. Это обусловлено попыткой сквозного, через- и междисциплинарного исследования категорий, а также идеологическими сложностями оценки и анализа практических примеров в аспекте «социальной заострённости» [2]. Вместе с тем, последняя проиллюстрирована многочисленными примерами из истории и права, к которым даны библиографические ссылки. Кроме того, известный практический момент сообщён данному исследованию в его практическом же и – отчасти – в методическом аспектах.

ПРАКТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Экономический субаспект

В плане хозяйствования, т.е. производства материальных благ и их функционального круговорота истина и справедливость как гносеологическая и этико-социальная категории соответственно могут быть дополнены метафизическим понятием, взятым из экономики – ресурсами – тем, что определяет саму возможность хозяйствования. Т.о., выстраивается линия: ресурсы (то, что есть) – произведенное благо (истина – то, как есть на самом деле) – потребление блага (справедливость – то, как должно быть). Диалектической связью между истиной и справедливостью в данном субаспекте выступает, очевидно, момент производства блага, а точнее – производящий субъект, объединяющий изготовление блага и владение им.

Экономическая истина состоит в установлении следующих фактов: кому принадлежали ресурсы, кем они были добыты и обработаны, кем было произведено благо. Переход к справедливости здесь заключается в тривиальном признании принадлежности блага тому, кто является субъектом перечисленных выше процессов. Этот переход составляет процессуальную составляющую диалектической связи данных понятий. Здесь утверждение «истина есть справедливость в действии» полностью выполняется, т.к. справедливость представляет собой прямое активное признание истины.

Разумеется, в условиях первобытнообщинного строя, на заре человеческой цивилизации в том виде, в котором мы её понимаем как таковую, истина и справедливость, существовавшие исключительно в экономической плоскости, не разделялись и не могли разделяться по причине отсутствия дополнительных условий и факторов общественной жизни, под влиянием которых установление факта и его признание могли бы пониматься как отдельные мыслительные операции. Такое явление в современной науке имеет название син-

кретического первобытного сознания [4], для которого характерно понимание предмета только в целом, в сумме его проявлений, без малейшего анализа.

Усложнение общественных отношений как следствие эволюции средств производства и увеличения объёмов добываемых и производимых благ повлекло разрушение синкретического мышления. Применительно к нашему вопросу это обернулось тем, что производитель блага не всегда мог признаваться его владельцем и потребителем. С различными вариациями эта парадигма отвечает всей истории с её традиционным тройственным членением на Древний мир, Средние века и Современность (Новое и новейшее время).

В отношении эволюции представлений об истине и справедливости такое разделение требовало нормативного определения: при каких условиях производитель и потребитель блага совпадают, а при каких – нет, и в какой степени они разнятся? Т.о., разделение в общественном сознании (ибо личного не существовало вне общественного) истины и справедливости породило право, установившее переходы между этими двумя понятиями. С этого момента началось семантическое расхождение истины и справедливости (см. ниже).

Экономические отношения Древнего мира имели в основе добычи и производства ресурсов сочетание крестьянского, ремесленного и рабского труда, причём в конечном итоге всё сводилось к последнему. Это характерно для восточных деспотий с их масштабными государственными проектами, равно как и для античной культуры. Т.о., истина – добыча и производство блага отходила к низшим социальным классам, которые если и имели какую-то собственность, то незначительно и условно. Потребление же, т.е. первобытная справедливость отошло к власти имущим.

Т.о., формально справедливым стала такая связь производства и владения, при которой одни создавали блага, а другие отбирали их у создавших и присваивали себе. Эта форма может трактоваться как обращение, инверсия первобытной парадигмы. Эта инверсия является основанием дальнейшего расхождения истины и справедливости. Кроме того, здесь встаёт проблема, связанная с пониманием справедливости в диахроническом плане. Если истина, т.е. установление факта, не имеет идеологических вариаций, так как в отделённом состоянии не принадлежит общественной сфере, то справедливость, т.е. признание факта сильно зависит от социальных условий.

Гребёж древней аристократией крестьян, ремесленников и рабов в рамках того общества не мог восприниматься не справедливо, поскольку такие императивы определяли те, кто грабил. У обираемых зачастую не было ни интеллектуальной возможности помыслить иной порядок, ни тем более физической его воплотить. Революционно-освободительная идеализация восстания гладиаторов под предводительством Спартака, составляющая пафос одноимённого романа Раффаэлло Джованьоли (итал. Raffaello Giovanioli, Spartaco), не имеет ничего общего с реальными причинами этого события.

Эпоха Средних веков слегка смягчила, скорее формально, нежели реально, инверсивное расхождение истины и справедливости в экономическом отношении. Формально производители (крестьяне и ремесленники) имели личную независимость, но их привязывали к привилегированным сословиям обязанности содержать феодала, церковная десятина и другие повинности, в итоге опять превращавшиеся в гребёж. На деле традиция разделения истины – производства и справедливости – потребления, заложенная в Древнем мире, продолжала существовать и даже укреплялась схоластически правом.

Дальнейшее усложнение хозяйственных отношений привело к формированию цехов, ставших дополнительным препятствием развитию производства и ещё одним фактором инверсии справедливости. Параллельно развитие кредитной сферы и торговли всё более

запутывали предельно простые когда-то отношения производителя и потребителя. Но проблема экономического кризиса истины и справедливости заключалась в том, что потребители – феодалы и священники настолько отошли от истины, что разучились производить, поэтому их «справедливость» вступала в противоречие с истиной³.

Это противоречие разрешилось в эпоху Нового времени чередой революций, которые принято называть буржуазными. Объясняя их причины категориями данного сочинения, можно сказать, что они были попыткой восстановления равновесия между истиной производства и справедливостью потребления. В каком-то смысле революции это равновесие восстановили, что ознаменовалось становлением экономической системы, именуемой капитализмом, в которой производитель и потребитель снова соединяются в одном лице. Истина и справедливость разделяются, но находятся в прямой, необращённой связи.

Однако рост капитализма породил разведение общества, а с ним и двух этих категорий на два полюса: владельцы средств производства и их наёмные работники. Первые снова стали потребителями, вторые – физическими производителями, причём условия труда и оплаты вторых несколько приблизили их к положению третьего сословия Средних веков или древних рабов⁴. Это повлекло развитие социалистических и коммунистических учений, стремившихся возродить, по сути, первобытный синкретизм истины производства и справедливости потребления, выраженный заново в шутке «кто не работает – тот не ест».

Но первобытная простота не может быть достигнута вновь, иначе невозможны достижения научно-технического прогресса, основанные на разделении труда и узкой специализации профессий. Другая шуточная формула «капитализм – это эксплуатация человека человеком, а социализм – наоборот» описывает невозможность коммунистического равновесия истины и справедливости в целом. Но принципиальным позитивным итогом попытки такого становления явилось формирование понятия социальной справедливости – государственного перераспределения доходов с целью поддержания указанного равновесия.

Социальная справедливость как связь экономических истины и справедливости проникла и в капиталистические общества. Но ставки подоходного налога в районе 50% в ряде европейских стран⁵ показывают, что равновесие снова смещается, причём происходит новая инверсия: потребители (экономическая элита) становятся производителями, а т.н. производители (экономические маргиналы) превращаются в потребителей. Это говорит о том, что социальная справедливость не может восстановить синкретичного равновесия. Определить разумное расхождение истины и справедливости в экономической сфере можно только с помощью права, основанного на здравом смысле.

Юридический субаспект

Мыслью, которой был закончен предыдущий раздел, следует начать настоящий. Хозяйственная деятельность породила право, в котором позиции истины и справедливости оказались смещены. Так, в качестве метафизического понятия выступает то, что уже есть – произведённое благо, это юридическая реальность. Истина же проявляет себя двояко: как факты причастности лиц к производству блага и как правовые нормы его распределения.

---

³ Эта ситуация описана в художественной литературе, в частности, см. Морис Дрюон «Проклятые короли» (фр. Moris Druon «Les rois maudits»).

⁴ См. Джон Стейнбек «Гроздь гнева» (англ. John Steinbeck «The grapes of wrath»).

⁵ См. [«Куда податься Обеликсу»](#). Ставки подоходного налога в странах Европы на 2011 год. По данным [ria.ru](#) – 1660 ссылок по точному запросу в Google.

Соответственно этому, и справедливость как право собственности на материальные блага оказывается двойной: прямой, при которой блага принадлежат производителю, совпадающему, т.о., с потребителем, и обратной, при которой потребителем становится другое лицо. Связью же между истиной и справедливостью здесь выступают отношения (фактические и правовые), установленные между производителем и потребителем.

Данные отношения могут иметь различную природу, которая определяет, насколько расходятся в юридическом пространстве истина и справедливость, т.е. как закон трактует право собственности потребителя, если не он является производителем блага. В зависимости от природы отношения возникают (1) между родственниками и лицами, имеющими их статус (опекунами и т.п.), (2) между работодателями и наёмными работниками, (3) между государством в его различных проявлениях (монарх, церковь, феодал и т.п.) и гражданами / подданными, (4) между участниками рыночных отношений (продавец – покупатель, кредитор – должник и т.п.), (5) между участниками иных хозяйственно-правовых отношений.

Первая природа отношений предполагает две ситуации: содержания и наследования. В первой речь идёт о том, что одни родственники передают часть своих материальных благ другим для удовлетворения потребностей последних. Это, в свою очередь, реализуется по 3 схемам: родители содержат детей и обратная схема – дети содержат родителей, а также иные родственники содержат друг друга. Истина здесь состоит в наличии генетических отношений, которые в социальном плане представляют собой основание распределения материальных благ в семье как ответ на распределение производственных функций.

В т.н. традиционной (патриархальной) семье⁶ – первичной хозяйственной ячейке – муж добывает ресурсы, жена обрабатывает их до состояния, пригодного к потреблению, дети выполняют вспомогательные функции. Т.о., все оказываются производителями, поэтому распределение благ между ними мыслится обоснованным. Однако юридические нормы большинства древних и средневековых обществ⁷ ставили, в нарушение разделения функций в семье, мужа во главу хозяйственной ячейки, игнорируя женский и детский труд, что в целом полагалось справедливым. Т.о., происходила инверсия справедливости относительно истины: приоритетным потребителем признавался только один из производителей.

С другой стороны, те же нормы требовали от производителей, не признаваемых приоритетными потребителями, подчинения оному и заботы о нём: жены о муже, детей о родителях, что усугубляло инверсивное расхождение понятий. В настоящее же время в т.н. развитых странах можно наблюдать картину инверсии в другом направлении: дети, как правило, уже не являются производителями благ, однако их право на участие в потреблении оных в той или иной степени приоритетности подтверждается правовыми актами различного уровня, включая документы ООН⁸. Фактором расхождения истины и справедливости по обращённым полюсам можно считать также ювенальную юстицию разводящую фактическое и формальное для обеих сторон.

В отношении наследования связь истины и справедливости продолжает схему содержания. Истина вновь определяется как степень формальной и фактической близости наследодателя и наследников, а справедливость состоит в признании права наследования исходя из истинного положения дел. Здесь, впрочем, снова происходит инверсия справедливости относительно истины: родственники могут проявлять фактическую близость с наследода-

---

⁶ См. Голод С.И. Семья и брак: историко-социологический анализ. СПб: ТОО ТК «Петрополис», 1998.

⁷ В т.ч. по большей части неписанные нормы т.н. обычного права (основанного на правовом обычае).

⁸ Конвенция ООН о правах ребёнка: сайт ООН http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

телем, близкую к нулю, но в итоге всё равно получают наследство, так как в юридическом отношении их требования будут основаны на законе, т.е. справедливы, хотя бы формально. Т.о., появляется проблема противоположения формальной и реальной, фактической, иначе – истинной справедливости, которая могла бы заново воплотить в жизнь афоризм Дизраэли.

В отношениях между работодателем и работником отчуждение произведённого сотрудником блага работодателю происходит в рамках трудового или подобного ему договора или договора за известные финансовые и/или иные компенсации со стороны работодателя. Инверсия происходит в двух противоположных формах, описанных в предыдущем разделе и связанных с понятием социальной справедливости. В начале 20 века она заключалась в тотальном несоблюдении работодателями интересов работников⁹, сегодня в ряде развитых стран можно наблюдать отчасти обратную ситуацию¹⁰.

Механизмы взаимодействия истины и справедливости в парадигме «государство – гражданин» достаточно подробно описаны в предыдущем разделе. В юридическом отношении все процессы и инверсии этого взаимодействия выражаются законодательным признанием справедливости претензий феодала на продукты производства крестьян и ремесленников в его вотчине¹¹ и т.п.

Отдельно следует упомянуть систему налогов и сборов как форму претензии современного государства на блага, произведенные его гражданами. Здесь возникает проблема справедливости повышенных налогов на доходы т.н. сверхбогатых лиц, ярким примером которой является ситуация с инициативой французских социалистов во главе с Франсуа Оландом и реакцией на неё Жерара Депардьё (Gérard Depardieu)¹², широко освещавшейся российскими и зарубежными СМИ.

Истина и справедливость в рамках рыночных отношений рассматриваются без дополнительных оговорок, т.к. механизм взаимосвязи определён спецификой торгово-финансовой деятельности. Инверсия справедливости здесь может наступить только в случаях, относящихся к компетенции антимонопольных органов. Это может быть выражено в нечестной, неполной рекламе, формирующей у покупателя неверное представление об акциях и ценовых предложениях или в необоснованной ценовой политике точек торговли.

Интересна пятая природа хозяйственно-правовых отношений. Она предполагает введение в сферу товарообмена и юридического оформления последнего нематериальных переменных, более того – нематериализуемых. Производитель-меценат, не получает в обмен ничего, что могло бы получить вещественное или денежное воплощение. В данном случае справедливость определяется не третьими лицами, а самим участником правоотношений, более того – самим производителем.

Т.о., мы подходим к понятию нематериальных благ, включающих образование и культурное развитие, права и свободы гражданского общества и т.п. Это показывает, что юридический субаспект есть переходный этап между хозяйством как производством и распределением материальных благ и культурой в широком смысле как сферой благ духовных. По-

---

⁹ Напалкина И.Г. Рабочий вопрос в России в XIX - начале XX века: традиции социального патернализма. Диссертация ... канд. ист. наук. – Саранск, 2005.

¹⁰ Кашкин С.Ю., Калининченко П.А. Трудовое и социальное право Европейского союза http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/childcon.shtml.

¹¹ Однако, строго говоря, платежи крестьян феодалу обязывали его защищать данников. Стойкость этого договора, сохранившаяся в Ирландии и в период раннего капитализма, отмечена Ф. Энгельсом [5].

¹² Je rends mon passeport // Le journal du dimanche, issue de 15.12.2012 (пер. с фр. «Я возвращаю свой паспорт» // Воскресный журнал, выпуск от 15.12.2012 – *Аетоп*): <http://www.lejdd.fr/Politique/Actualite/Gerard-Depardieu-Je-rends-mon-passeport-581254>.

следние образуют права человека, факт понимания и признания которых государством и обществом создаёт политику.

На юридическом подуровне часты инверсии справедливости относительно истины: такие искажения первой, которые обращают эту семантическую пару в практически не снимаемую оппозицию. В итоге происходит разделение справедливости на формальную, закрепляемую юридически, и фактическую, т.е. истинную, существующую как социальное отражение истины, как истина в действии. Две эти формы справедливости и занимают полярное друг другу положение, а истина, вырождающаяся в правду, выступает их связью.

В практическом плане юриспруденция вовсе исключает истину, поскольку ведущим участникам судебных процессов (судье, адвокату, прокурору) она неизвестна. Отсюда принцип презумпции невиновности и снятия судимости. Доведённая до абсурда ситуация юридической инфляции истины, когда все участники процесса понимают отсутствие последней в деле, показана в картине «Трасса 60» (Intersate 60, США, 2002).

Уникальность положения адвоката, доказывающего по роду службы невиновность заведомо виновного, представлена в культовом фильме «Адвокат дьявола» (Devil's advocate, США, 2004), причем она следует из самой сущности данной профессии и закрепляется правовым статусом адвокатов¹³. В картине «Фирма» (The Firm, США, 1993) прямо говорится, что «налоговый адвокат не имеет ничего общего с законом», — в известном смысле и с истиной.

Политический субаспект

Центральной сферой политики в целом выступают права человека – факт и объем их признания государством и обществом. На этом подуровне в качестве метафизического понятия можно определить социальную реальность как природу, порождающую права человека и политику. Истина двояка: с нормативной стороны она есть система («каталог»¹⁴) прав, с позитивной – уровень психосоциального развития людей, а справедливость – признание государством и обществом принадлежности этих прав всем людям.

«Всем» здесь ключевое слово. Оно определяет степень политической инверсии справедливости, более того, в ряде случаев справедливость предполагает цензовые ограничения принадлежности прав, авторская система которых дана в таблице.

Т а б л и ц а 1

Естественные права		на жизнь, честь и достоинство и их защиту, свободу и безопасность, частную жизнь и её неприкосновенность	
Переходные права		на жилище и его неприкосновенность, благоприятную окружающую среду и информацию	
Общественные права	Социально-экономические права	Экономические права	на собственность, трудовые права
		Социальные права	на творчество, охрану здоровья и т.п.
		Культурные права	на образование, духовную жизнь и т.п.
	Идеологические права	Гражданские права	на самоопределение, свободу совести и перемещения и места проживания
		Юридические права	на защиту в суде, обращение к органам власти, юридическую помощь
		Политические права	на свободу мысли и слова, собраний,

¹³ См. федеральный закон «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в РФ» от 31.05.2002 г. № 63-ФЗ.

¹⁴ Т.н. каталог прав Международного билля о правах человека: http://www.un.org/ru/documents/declconv/hr_bill.shtml.

		объединений, на участие в управлении государством (выборы и т.п.)
	Специализированные права	интернет-права ¹⁵ , права ЛГБТ ¹⁶

Специализированные права выделены из-за их новизны и/или недостаточного развития и признания. При этом они подчёркивают степень развития других прав и позволяют сделать вывод о положении пары «истина-справедливость» в политическом смысле. Количество признаваемых прав человека и качество их признания на уровне общества определяет направление политических организаций (партий, союзов, движений и т.п.), а на уровне государства – политический режим. С другой стороны, объем прав сам определяется господствующей политической силой: партией и государственным режимом.

В случае тоталитарного режима инверсия справедливости очевидна: если государство не признает прав фактически, то и справедливость существует лишь формально, отвечая идеологическому запросу власти, как в случае статей 57–73 и других УК РСФСР 1922 года. Фактической справедливости нет во всех группах прав. То же наблюдается и в случае абсолютных монархий¹⁷. Авторитаризм сложнее в том плане, что разводит, хотя и не слишком чётко, права человека вообще и гражданина. В отношении первых может существовать фактическая справедливость, в отношении вторых – лишь формальная.

При демократическом режиме ожидается равновесное состояние истины прав и справедливости их признания, причём обе формы справедливости совпадают: формальность и факт соответствуют друг другу. Однако в реальности такой режим приводит к инфляции справедливости вследствие избыточного признания и реализации прав и свобод.

В группе естественных прав самой яркой инфляцией является отмена Евросоюзом смертной казни как выражение всеобщего права на жизнь. Инфляция здесь в том, что закон защищает жизнь лица, нарушившего, к примеру, данное право в отношении другого человека или группы лиц. Некоторой компенсацией является ограничение свободы, однако в данном случае оно налагается на гражданское право свободы перемещения и места проживания, а не на естественное право на свободу, предполагающее личную независимость. Нарушение более серьёзного права компенсируется ограничением менее серьёзного, и это инфляционная инверсия справедливости.

На стадии переходных прав ведущей инфляцией справедливости является гиперфункция права на информацию. В целом данное право ограничивается правом на тайну частной жизни, институтом государственной и коммерческой тайны и т.д. Однако медиасфера (СМИ) на основе права на свободу слова превращает информацию из объекта поиска, производства в объект потребления, как это представлено в ряде комиксов¹⁸ и романе Олдоса Хаксли «О дивный новый мир». Нарушение справедливости здесь в том, что в больших объемах поставляются данные нулевой содержательности, заграждающие ценную информацию, снижающие способности к её поиску и воссозданию и замедляющие реакцию на неё наподобие сниженных коленных рефлексов¹⁹.

¹⁵ Гамидов С.Г. К вопросу о системе интернет-прав // Материалы VI конференции «Человек. Общество. Экономика: проблемы и перспективы взаимодействия». – Пермь: АНО ВПО «Пермский институт экономики и финансов», 2012. – С. 373–375.

¹⁶ См. http://ru.wikipedia.org/wiki/Права_ЛГБТ_в_государствах_и_территориальных_областях.

¹⁷ Вспоминается характерный французский абсолютизм, выраженный формулой Короля-Солнца «Государство – это я!» (фр. «L'etat c'est moi!»).

¹⁸ См. «Оруэлл против Хаксли»: http://vk.com/club30896235?z=album-30896235_144255479.

¹⁹ См. Булгаков М.А. Собачье сердце. – М.: Эксмо-Пресс, Эксмо-Маркет, 2000. – С. 36.

Инфляция справедливости социально-экономических прав особенно заметна. Это уже упоминавшиеся ставки подоходного налога в районе 50%, обеспечивающие социальные пособия профессиональным безработным и уничтожающие трудовую справедливость. Это кризис образования, превративший его как когнитивное явление и как социальный институт из ценности в средство производства, как результат – ситуация, иронично подмеченная в интернет-афоризме²⁰. Это падение творчества от скрупулёзного воссоздания реальности до клонирования в стиле «дивного нового мира» объектов псевдоискусства в рамках поэтики новых жанров²¹ и т.п.

Идеологические права более прочих склонны к нарушению истинной справедливости. Превращение права в закон формализует правосудие: это в итоге уничтожает фактическую справедливость, что показано в фильме «Законопослушный гражданин» (англ. Law Abiding Citizen, США, 2009). Институт же присяжных заседателей сам по себе являет пример несправедливости, т.к. попытка снять формализм закона духовной справедливостью – совестью – невозможна из-за неоднозначности содержания последней для каждого индивида, см. картину «Дюжина правосудия» (Россия, 2007).

Нарушение государством идеологических прав и свобод в целом отмечено в абзаце о тоталитаризме. При демократии справедливость в этой сфере уничтожается снизу. Справедливо ли право на участие в выборах лиц, уровень интеллекта и эрудиции которых не позволяет им мыслить более или менее масштабно, как это отмечено в карикатуре²²? Справедливы ли повышенные притязания церковей в рамках свободы совести, если содержание религии доказанно не соответствует истине?

Специализированные права продолжают общую политическую тенденцию. Тоталитарный режим КНДР полностью отрицает интернет-права, многие государства Африки и Азии, не только отрицают права ЛГБТ, но и вводят в их отношении жёсткие санкции, включая смертную казнь¹⁶. Это показывает, что всеобщность прав, составляющая их фактическую справедливость, зачастую воспринимается как несправедливость относительно общественной формуле последней.

Кризис всеобщности прав человека порождает инфляцию политики как части культуры²³. В определённый момент складывается ситуация, при которой свободное увеличение прав и свобод требует ограничений, могущих остановить или купировать эту инфляцию. Эти ограничения могут как соответствовать фактической справедливости и быть истинными, так и идти вразрез с ней. К последним относятся приведённые выше примеры. К первым – разумные и справедливые ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения, предусмотренные, в частности, статьёй 56 Конституции РФ 1993 года.

Преломление истины и справедливости в политике вообще неразрывно с процессом культурной инфляции. В целом на уровне политики происходит формализованный, официальный разрыв фактической – истинной справедливости и формальной. В связи с этим и истина как абсолютная и независимая от человека реальность уходит, заменяясь своим частным, относительным проявлением – правдой, которая, как известно, у каждого своя. В таком ис-

---

²⁰ См. [«Кроме высшего образования нужно иметь хотя бы среднее соображение и, как минимум, начальное воспитание»](#) - 69 400 ссылок по точному запросу в Google.

²¹ Массовый поп-арт в известном смысле возвращает к жизни идеи жанровых канонов Античности и Средних веков, во время которых в искусстве властвовала поэтика жанра и стиля [6].

²² Демократия – это равенство их голосов: <http://demotivation.me/j91wzxfgejr0pic.html>.

²³ Гамидов С.Г. Культурная инфляция в современном обществе и её влияние на просвещение. / Сборник материалов конференции «Проблемы молодёжи глазами студентов». – Тула, ТГПУ им. Л.Н. Толстого. – С. 69–71.

кажённом виде семантическая пара «истина / правда – справедливость» входит в общественное, а затем и личное сознание и передаётся в череде поколений.

МЕТОДИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Мифологический субаспект

Мифология, а в дальнейшем развитии – религия стала первой формой духовной связи поколений. Подтверждение понятий истины и справедливости облекалось в формы примеров: если боги и герои так считали и делали, значит, и мы так должны. Т.о., метафизически пара предваряется реальностью окружающей среды. Истина – правда предстаёт мифической версией бытия, причём для мифа важно восприятие правды как истины. Справедливость есть соответствие поведения людей мифологическим нормам – это является основанием религиозной этики и социологии.

Мифология является единственной формой духовной деятельности первобытного общества. Усложнение его приводит к разведению собственно мифологии на религию – некий кодекс и фольклор – периферические сюжеты и образы. Мифический материал подчиняется оппозиции «свой-чужой», установленной Клодом Леви-Строссом²⁴ и присутствующей на обоих полюсах мифологии. В её рамках истина и справедливость являются переходом от чужого к своему и характеристикой своего. Из-за синкретизма мифологического сознания (см. сл. раздел) истина и справедливость практически не разделяются и понимаются как благо, т.е. мифологическое «своё».

Развитие мифологии по пути религии приводит к её усложнению²⁵: складываются три уровня мифов: гонические, исторические, этические. Первые говорят о появлении и устроении сущего, содержат вымышленную географию. Вторые посвящены развитию общества богов и героев – вымышленной истории. Третьи составляют биографии преимущественно простых людей, «которых мы должны принять за образцы»²⁶. Институционализация религии формирует каноническую надстройку – нормы богослужения, религиозной морали и т.п. Гегемония религии требует создания науки веры – теологии, которая академизирует мифические историю и географию, создает религиозное естествознание, социологию и т.д.

Только мифический уровень в нерасчлененном виде присущ ранним, первобытным религиям (анимизму, тотемизму, шаманизму и т.п.). В этом первичном синкретизме [4] истинной правдой является описание реальности с позиций мифологического сознания, а справедливостью – функционирование первобытного общества в рамках такого описания. Связью понятий выступает тот же синкретизм, не разделяющий природу в целом и человека, сообразно первобытным условиям. Нетрудно заметить, что разделение истины и справедливости здесь явно искусственно: в мифологическом сознании реальность природы и функционирование общества могли мыслиться только слитые воедино.

Разделение мифического уровня и появление канонической надстройки свойственно классическому политеизму. В гонических мифах в качестве истины преподносится версия происхождения мира и его устройства. Здесь налицо истинная правда – такое относительное суждение, которое в силу ограниченности сознания полагается за соответствующее дей-

---

²⁴ См. Леви-Стросс К. Мифологии (фр. Lévi-Strauss. Mythologiques) В 4 томах. Том 1. Сырое и варёное (Le cru et le cuit.) / Пер. с фр. — М.: Флюид, 2006.

²⁵ Далее представлены рассуждения автора, не связываемые им с господствующими теориями.

²⁶ См. Грибоедов А.С. Горе от ума. – М.: Правда, 1986. – С. 43.

ствительности – достоверное заблуждение. Момент признания этой правды истиной есть справедливость гонического мифа. Поскольку мифологическое сознание ранней древности синкретично, этот момент также не выделен сам по себе. В дальнейшем выделение этого момента определяет разрушение мифологического сознания: Солнце не бог, а раскалённый шар, Гибралтар – не край мира и т.п.

Историческая мифология богов и героев представляет диахронизм первобытного сознания. Отношения истины и правды здесь сложнее: зачастую мифической историей становятся фрагменты настоящего прошлого. Пример – мифологизация крито-микенского (эгейского) периода истории Древней Греции (30–10 вв. до н.э.), когда отдельные имена горожан, слуг и чиновников из дворцовых книг становились именами героев (Ахилл, Аякс и т.д.). В целом блеск крито-микенской цивилизации после её падения был отражён как мифический золотой век, полный полубожественных героев, гибель которых в Троянской войне его и окончила²⁷.

Справедливость на данном уровне сохраняется в признании такой правды истиной и после разрушения древнего сознания (официальное признание происхождения единой династии 125 японских императоров от богини Аматаэрасу-но-ками²⁸). Явное несоответствие этого истине раскалывает справедливость на фактическую и формальную. Противоречие этого разделения определяет специфику справедливости этических мифов классического политеизма. К примеру, в греческих мифах заметно тотальное стремление к славе – видимо, ностальгия по золотому веку. Происходит инверсия: победителей не судят, а потому стяжание славы оправдывает любые бесчинства.

С другой стороны, сюжеты об Эдипе, Филемоне и Бавкиде и т.п., формирующие классические для древности обычаи, основанные на оппозиции «своё-чужое», определяют переход к более конструктивной этике, способной стабилизировать общества полисов, что определяет истинную правду и справедливость этических мифов. Политеистический канон отражает истинную правду, основанную на насущных реалиях: жертвы богам, гадания и т.п. Справедливость состоит в восприятии этого канона относительно реалиям²⁹.

В мировых религиях исторический и этический уровни мифологии в значительной степени сближаются с теологической и канонической надстройками соответственно. На собственно мифологическом уровне остаются только гонические мифы, которые много теряют в истинности в сравнении с гонией в классическом политеизме. В сочетании со становлением рационально-логического сознания, включающего уже личное, это приводит к обвалу истинной правды. Церковь формально поддерживает базовые библейские мифы (партеногенез богоматери, якобы искупительная жертва главного персонажа³⁰), но это выглядит спекуляцией истиной, а в общественной перспективе – и справедливостью.

На уровне канона его нормы изменялись в официальном порядке, подчас весьма круто. Признание икон, ранее считавшихся формой идолов, выбор «политически верных» евангелий и другие действия, произведённые на Никейском соборе, показали, как происходит утверждение истины и справедливости. Очевидно, такие примеры вкупе с более ранними

---

²⁷ См. Андреев Ю.В. Поэзия мифа и проза истории. – Л.: Лениздат, 1990.

²⁸ См. Кодзики (Фурукотофуми): Записки о деяниях древности. В 3 свитках. Свиток 1. Мифы / Пер. с яп. Е.М. Пинус. – СПб.: Шар, 1994.

²⁹ Человеческие жертвоприношения в архаический период отвечали такой справедливости. Но уже в эпоху Гомера ситуация изменилась: об этом говорит исключительность жертв на погребении Патрокла (см. Гомер. Илиада (Ομηρου. Ιλιάς) / Пер. с др.-греч. Н.И. Гнедича. – Л.: Наука, 1990. – Песнь 24, стих 175, с. 326.

³⁰ См. Невзоров А.Г. Уроки атеизма. Урок 5. - <http://www.youtube.com/watch?v=xjnJL0vnz4o>.

вставками в библию³¹ демонстрируют её использование для оправдания политических конъюнктур. В таком случае происходит полная инфляция истины и справедливости, которая обращается в оправдание произвола абсолютной монархии в стиле теодицеи.

Мораль и нравственность, достигающие в мировых религиях своего максимума намеренно расходятся с естественными, природными потребностями и формируют формальную справедливость. Ограничения либидо – питания (грех чревоугодия) и сексуальной жизни (грех прелюбодеяния) – превращают правду и справедливость в фикцию, поскольку их реализация невозможна: все здоровые люди будут грешниками, а больные (к примеру, юродивые) – благочестивыми. Вторичная инверсия определена критическим отношением к собственным же учениям верхов католической церкви и папского государства по формуле «пороча, превратись в караса».

Логическое завершение трансформации истины и справедливости в мифологическом субаспекте достигается христианской теологией. Во-первых, это спекулятивная логика схоластических рассуждений умозрительных трактатов наподобие «никто не пребывает в аду, пока не осуждён, следовательно, ада не существует»³². Во-вторых, это развитие религиозного естествознания и демонологии. В насущном плане – нормативная религиозная социология, выводящая социальные проблемы (преступность и другие) из грехов и пороков, инквизиция, индульгенции, противостояния церковников и т.д.

Относительное восстановление истинной правды и целостной справедливости наблюдается в фольклоре, который, имея зачастую педагогическую функцию, усиливал этический момент. С разрушением мифологического сознания фольклор, в отличие от религии, не спекулировал истиной, а менял своё содержание, чтобы продолжать соответствовать её исходному уровню. Так, в шотландском сюжете о Тамлейне (Там Лине, Тэмлине / Tamleyn, Tamlyn, Tam Lyn ³³) местоположение страны эльфов и фей меняется с реального леса в ранних версиях на неизвестное место в поздних. Справедливость в фольклоре традиционно состоит в торжестве блага, что выражается при помощи функций и атрибутов действующих лиц³⁴.

Т.о., мифология открывает возможность спекуляции истиной и справедливостью путем ложных логических переходов в развитии мифических сюжетов и околонуточных идей. В целом это реализуется на основе свойств человеческой психики. Вообще мифология тесно связано с типом сознания, т.к. последнее определяет уровень принятия веры, поэтому следующий субаспект естественным образом вытекает из настоящего.

Психологический субаспект

Так или иначе, но мифология-религия-фольклор, создав свою собственную истину и справедливость, отразили сложившиеся в обществе нормы хозяйствования и передали их следующим поколениям, изменяя в соответствии с общественным (политическим и экономическим) строем. Тесная связь мифологии и психики будет отражена и в этом субаспекте. Метафизической частью являются реалии окружающего мира, воспринимаемые психикой.

---

³¹ См. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – С. 130.

³² Умозаключение кардинала Жака д'Юэза (фр. Jacques d'Euse), будущего папы римского Иоанна 22 (лат. Johannes XXII) по экранизации цикла романов Мориса Дрюона «Проклятые короли».

³³ См. Тамлейн // Джек и золотая табакерка / Пер. с англ. М. Литвиновой. – М.: Дет. лит., 1989. – С. 198–207; Тэм Лин // Феи и эльфы. – Пер. с англ. Ю. Погорелко. – М.: Терра, 1996. – С. 101–107; Юный Тамлейн // Истории из старинных баллад / Сост. М. МакГрегор, пер. с англ. О. Александрович. – <http://blanderlend.blogspot.ru/2012/04/blog-post.html> и другие версии.

³⁴ См. Пропп В.Я. Морфология сказки. – М.: Лабиринт, 2001.

Правду образуют те установки, сквозь призму которых рассматриваются эти реалии. Справедливость здесь, по сути, состоит в соответствии насущных реалий должным установкам – этическим, научным и иным³⁵.

В известном смысле реалии тоже есть истина, поэтому в психике происходит разделение истины в целом на два уровня: метафизическую истину как таковую и гносеологическую истину, в пределах психики сужающуюся до правды. В этом разделении отражаются две ведущие философские силы: гностицизм и агностицизм, достигшие предельного выражения в абсолютизме гегелевского духа и кантовском критицизме. С одной стороны, человеческий разум не может всё познать, тем более в беспристрастном плане.

С другой стороны, психически полноценный человек стремится познать новое или, в крайнем случае, объяснить окружающие реалии на основе имеющихся знаний. Т.о., человеческое сознание пытается восстановить в себе самом утраченное единство истины-истины и истины-правды, преодолеть разрыв, определяющий кантовские антиномии, и в этой попытке залог единства гегелевской линии субъективный – объективный – абсолютный дух³⁶. Кроме того, центризм сознания порождает не только объяснение фактов, но и их оценку, что оформляет попытки воссоединения в нормативном аспекте справедливости.

Человек не просто называет вещи своими именами: свои имена – это своего рода вещь-в-себе. Такая психолингвистическая черта прослеживается в историческом аспекте, а развитие абстракции, т.е. появление слов нулевой оценочности (простой номинативности), позволяет выделить этапы эволюции сознания.

Традиционно выделяются периоды мифологического и рационально-логического сознания, между которыми можно назвать переходное, породившее древнейшую философию. Кроме того, психологический субаспект состоит из трёх пластов, соответствующих инстанциям сознания в психоанализе Зигмунда Фрейда (нем. Sigmund Freud). Биологическая основа психики определяет антропологический пласт, формирующий бессознательные процессы – основу подсознания. Функционирование индивида образует собственно психологический пласт, а социокультурная среда формирует этнографический пласт.

Для мифологического сознания характерна нерасчленённость, первичное единство категорий мышления [4]. Это касается и вопроса истины и справедливости. Простейшие попытки объяснения и оценки окружающих реалий ещё не содержали коннотаций, как, впрочем, и отвлечённых названий. Понятия отражали конкретные состояния природы и родоплеменных отношений. Предполагается, что язык того периода не имел возможности индивидуального мышления, что означает сведение мифологического сознания к родовому. Отсюда истина и справедливость рассматривались как одно явление и понимались как благо для рода и племени аналогично синтоистскому греху – цуми.

Переходный период связан с разрушением мифологического сознания. В эту эпоху прекращается единство истины и справедливости: первая теряет непосредственное присутствие в общественной сфере, а вторая начинает восприниматься как соответствие насущного должному. Родовое сознание первобытности разделяется на позднее родовое и общественное, т.к. формируется надродовое и надплеменное общество. Поскольку личного сознания по-прежнему не возникает, справедливость связана исключительно с удовлетворением прав рода. Переходное сознание оперирует коннотативной – оценочной семантикой.

---

³⁵ Далее представлены рассуждения автора, не связываемые им с господствующими теориями.

³⁶ См. Гегель Г.В.Ф. Энциклопедия философских наук (нем. Hegel G.W.F. Enzyklopädie der philosophischen Wissenschaften). В 3 томах. Том 3. Философия духа (Philosophie des Geistes) / Пер. с нем. Б.А. Фохта. – М.: Госполитиздат, 1956.

Чисто психологически родовое сознание заключается в невозможности самоопределения человека вне генетической общности. Синхронически это проявляется в том, что человек не мыслит себя иначе как внутри рода. Диахронически родовое сознание проявляется в том, что человек не разделяет себя и своих предков, говоря обо всех в первом лице. Это обусловлено тем, что почти всегда вид трудовой деятельности передавался от отца к сыну веками. На более поздних этапах развития родовое сознание формирует понятие родовой чести, вендетты, обуславливает клановые войны.

Становление первых цивилизаций связано с формированием рационально-логического сознания. Реальные история и география, известные человеку, сильно разнятся с мифологической версией. Появляются абстрактное мышление и нейтральная, номинативная семантика. Миф изымается из среды обитания человека, как Аман был изъят из Арды³⁷. Родовое сознание формирует свой частный случай – групповое. Из сознания себя как части общества и рода вытекает диалектически противоположенное сознание себя самого по себе – личное сознание. Последнее разделяет истину на метафизическую и когнитивную – правду: возникает понимание того, что реальность (истина) и наше её восприятие (правда) могут разниться.

Справедливость окончательно переходит от истины в практическую, социальную сферу. Групповое сознание порождает формальную справедливость – притязания малых групп: профессиональных, корпоративных, общественных, политических и других. Происходит расслоение справедливости истинной, т.е. фактической и формальной – юридической, закрепляемое статусами *de facto et de jure*. Человек оценивает степень справедливости своих и чужих действий, и в этой оценке происходит рефлексия: свои действия оцениваются со стороны. Так возникает внутреннее чувство справедливости – совесть, которая присуща только личному сознанию; французское *conscience* означает и «сознание» и «совесть»³⁸.

Тройственность психологического субаспекта раскрывается в инстанционной организации психики. Подсознание (Оно, *das Es*) – антропология сродни первобытной синкретичной психике: оно не оперирует категориями, оценивая только кратковременное, сиюминутное благо и зло, вред, которые и определили появление понятий истины и справедливости. Это находит отражение в противоположности подсознания – сверхсознании (Сверх-Я, *das Super-Ich*) – организации, устройении, в которых может существовать истина и справедливость как средства определения и достижения блага.

Трактовки отдельных действий с точки зрения справедливости и соответствия истине и правде разнятся во времени и месте, что определяет этнографию как первичное знание об обществе. Сверхсознание современного мира представляет собой психологическую основу демократии и является, по сути, общественным сознанием нового типа. Собственно сознание (Я, *das Ich*) – психология, во-первых, связывает предыдущие инстанции, а во-вторых, обеспечивает индивидуальный момент психики. На этом уровне общественные понятия истины и справедливости подвергаются наибольшим трансформациям, как в положительном направлении (гениальные открытия, социальные реформы), так и отрицательном (неадекватность восприятия при психопатологии, асоциальный образ жизни и т.п.)³⁹.

---

³⁷ Толкиен Дж.Р.Р. Сильмариллион. (англ. Tolkien J.R.R. *Silmarillion*)/ Пер. с англ. – М.: АСТ; СПб.: Terra Фантастика, 2005.

³⁸ См. Французско-русский словарь / Сост. К.А. Ганшина. – М.: Русский язык, 1977. – С. 185.

³⁹ Впрочем, иногда позитив и негатив совпадают, отсюда магистральный мотив сумасшедшего (см. фильм «Игры разума» — *A beautiful mind* – «Прекрасный разум», США, 2001) или злого (см. Маринина А. Каменская. Игра на чужом поле. – М.: Эксмо, 1993) гения.

Т.о., в психологическом отношении образуется триада: истина – правда – справедливость, где правда является переходом от истины к справедливости, а последняя – связью между двумя формами истины. Появляется совесть, а справедливость разделяется на фактическую и формальную. Последний процесс выводит психологию на уровень социологии – вторичного относительно этнографии знания об обществе. Связь этих двух знаний осуществляется путем передачи психологических представлений через язык и его внешние воплощения – тексты в широком смысле, т.е. объекты искусства.

Филологический субаспект⁴⁰

Мифология – первая художественная деятельность, формирующая сознание человека и человечества. Искусство же – некая её инверсия: сформированное сознание создаёт индивидуальные вымышленные образы и мотивы, которые затем становятся магистральными, «общественными»: образ Фауста⁴¹, мотив свечи и т.п. Метафизической категорией является среда, в которой создаётся искусство. Она же, по образцу психики, предстаёт и истиной. Правдой остаются установки, в рамках которых происходит интерпретация реалий среды. Справедливость уравнивает истину и правду. Т.о., искусство как продукт психической функции продолжает воссоздание единства метафизической и когнитивной истин.

Традиционно искусство разделяют на музыкальное, изобразительное, литературное и зрелищное⁴², которые суть внешние формы одного явления, что подтверждается художественным синтезом⁴³. Очевидно, музыка была первым искусством, поскольку её корни в подражании звукам природы, не требующем дополнительных средств. Затем возникло изобразительное в виде наскальных рисунков. С появлением языка зародилось литературное в форме фольклора. Объединение предыдущих создало зрелищное, повлекшее их дальнейшее развитие. Первичный художественный синтез древнего театра определил первую стадию полноценного искусства – стадию первичного синкретизма [6:598].

В рамках этой стадии искусство представляло собой прямое отражение реалий среды путем перевода в сферу простейших символов. Т.о., отображаемые реалии здесь истина, символическая система и протоканон – правда, принятие правды за истину – т.е. признание содержания постановки за правдоподобное, реалистичное или хотя бы качественное – справедливость. Простота синкретического искусства определяет полное соответствие данной стадии общей формуле.

Усложнение символической системы привело к формированию протоканона, а затем и настоящих канонов, определяющих «законы жанра». Зародыши жанров возникли ещё на стадии синкретизма, а их формирование и каноническое закрепление открыло стадию поэтики жанра [6:599]. Разработанные каноны стали правдой этой художественной эпохи и превратились в своего рода формулу произведения, по которой можно и нужно было создавать новые объекты. Это повлияло и на истину искусства: канон ограничивал реалии среды

---

⁴⁰ Связь искусства и филологии основана на [3].

⁴¹ См. Ишимбаева Г.Г. Образ Фауста в немецкой литературе XVI–XX веков. – М.: Флинта: Наука, 2002.

⁴² В последнее время в связи с достижениями науки и техники, позволившей интегрировать ее с повседневностью, выделяют научно-техническое искусство, объединяющее плазменное, феррофлюидное, биоарт и т.п. – см. информационные письма http://www.bio.msu.ru/res/NEWS361/nauch_iskustv_2012.pdf (МГУ им. Л.В. Ломоносова) и перформанс и акционизм – см. <http://www.nilc.ru/nilc/documents/5vipuskbbk.pdf> (Национальный информационно-библиотечный центр).

⁴³ См. Радугин А. М. Синтез искусств // Эстетика. – М.: Библионика, 2006. – С. 268–271.

в целом и в зависимости от жанра. Т.о., определилась формальная справедливость поэтики жанра: описать допущенные реалии в строгом соответствии с канонем.

На закате стадии поэтики жанра отточенные правила торжества должного были воплощены в стиле классицизма. Портрет Екатерины II в образе богини правосудия, комедии Д.И. Фонвизина и другие образцы разводили высокое и низкое, дурное и благое, чётко определяли справедливость как стремление к правде, при этом в направлении от истины (Екатерина II не богиня). В этом отдаление канона от истины, но, вместе с тем, истина присутствует в реалистических основах (Екатерина II как реальный человек) и деталях (описание быта Митрофанушки).

Максимальное рассредоточение истины и правды наблюдается в сентиментализме, который является переходом от классицизма к романтизму. Вымышленные реалии сентиментального искусства не соответствуют истине, которая подменяется правдой, объединяющей и описываемую среду, и нормы описания⁴⁴. Справедливость здесь является инструментом, обеспечивающим слияние двух инстанций в правде. Такая искажённая схема преодолевается становлением третьей эпохи искусства – стадии автора и стиля [6:601].

На этом этапе истина вновь отождествляется с репрезентуемыми в произведении реалиями среды, а правда достигает своего конечного значения субъективной истины, сводясь к собственному представлению автора. Отношения истины и правды – справедливость – выражаются авторским стилем, его манерой представления и взглядом на проблематику произведения, отражаемую в его тексте.

Романтизм как первое направление данной стадии демонстрирует предельное разведение указанных понятий: истина противопоставляется правде, при этом правда основана на истине, а справедливость существует только в помыслах главного героя. К примеру, правда одиночества лирического героя М.Ю. Лермонтова основана на той истине, что свет бездушен, и герой находится в оппозиции к нему: правда противопоставлена истине. Желание героя «смутить весёлость их и дерзко бросить им в глаза железный стих»⁴⁵ справедливо, но его реализация гибельна для героя в книге и в жизни.

Преодоление расподобления истины и правды романтизма определяет становление реализма – достоверного отражения (правда) в искусстве реалий окружающего мира со всей сложностью их взаимодействия (истина). Справедливость здесь в том, что правд много, ибо моноцентризм романтического героя разбивается на множество ведущих персонажей. В эпоху становления реализма происходит обращение к реальной жизни: протест академической живописи передвижников и прерафаэлитов, исторические мотивы и сюжеты в творчестве «могучей кучки» и т.п.

Такое положение дел характерно для позитивного (по-советски – критического) реализма, описывающего то, что есть со всеми плюсами и минусами. Предельное выражение этой формулы происходит в натурализме – искусстве, в объектах которого акцент делается на точность воспроизведения реальности: истина и правда сливаются в тексте такого искусства, а справедливость сводится к объединению истины и правды по формуле Дизраэли.

Некоторый разлад в неосинкретизм позитивного реализма вносится императивными элементами в произведениях Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и т.д. Это можно назвать императивным или волюнтаристическим реализмом, ибо кроме достаточно достоверных описаний реалий среды в их сочинениях присутствует сильная оценочность и действительный кри-

---

⁴⁴ Хрестоматийный, школьный пример – повесть Н.М. Карамзина «Бедная Лиза».

⁴⁵ М.Ю. Лермонтов. Как часто, пёстрою толпою окружён... // Собрание сочинений. В 4 томах. Том 1. – М.: Худлит, 1983. – С. 48.

тицизм. Правда здесь отделяется от истины, ибо автор подвергает реалии анализу и критике. В качестве справедливости здесь предлагаются какие-то изменения реалий: раскаяние Раскольникова, самоубийство Анны Карениной и т.п.

Инфляция классического реализма происходит в его нормативном – т.н. социалистическом варианте. Соцреализм предполагает описание не той реальности, какая есть, а той, какая – по мнению автора – должна быть. Истина здесь полностью устраняется и заменяется правдой, снова объединяющей реалии и нормативы их представления. Справедливость в таком искусстве состоит в торжестве должной реальности, т.е. в обращении правды в истину при устранении последней, что определило развитие постреалистического искусства.

Собственно постреализм предполагает полное устранение справедливости из текста, т.к. произведение описывает общество с разрушенными ценностями. Фактически такое искусство состоит из одной истины – реалий, т.к. правда предполагает какую-то позицию автора, т.е. некие ценности. Становление новой морали дает необходимые правду и справедливость, что образует модернизм. В свою очередь, кризис ценностей модерна приводит к формированию постмодернизма, в котором правда скрыта в сюжете, а справедливость может отсутствовать вовсе. В «Парфюмере» Патрика Зюскинда⁴⁶ правда и то, что можно назвать справедливостью, выражаются только сюжетом, карающим персонажей.

В массовой (популярной) литературе и примыкающей к ней беллетристике необходимо чёткое определение всех 3 моментов, причём ключевыми являются правда и справедливость. Истина весьма условна: реалии трансформируются и искажаются в требуемых объёмах. Правда всегда существует на уровне закона жанра: образы действующих лиц и их функции определены подобно сказочным персонажам. Справедливость максимально приближена к её психологическому, даже бытовому пониманию и направлена на «победу сил добра над силами зла»: в детективе полицейский всегда наказывает преступника.

Стоит выделить жанры, описывающие несуществующую реальность («ирреальные»): сказки, мистику, фантастику и фэнтези. Их истина представляет собой вымысел, который следует понимать реальным. В остальном такие жанры вполне отвечают стадиям и направлению, в эпоху которых возникли: правда и справедливость «Властелина колец» или «Гарри Поттера» основаны на тех же фундаментальных ценностях, что и «Война и мир» или «Собор Парижской богородицы».

ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Лингвистический субаспект

Искусство основано на языке, в котором образуются семантические (смысловые) поля (пространства), в т.ч. наших понятий. Лексема «справедливость» содержит корень **-прав-**, присутствующий во многих словах, которые вместе с бедной на дериваты лексемой «истина» можно представить схемой.

---

⁴⁶ Зюскинд П. Парфюмер (нем. Süskind P. Das Parfüm) / Пер. с нем. Э.Венгеровой. – СПб.: Изд. дом «Азбука-классика», 2006.

Связь – регулирование праота – справедливость – п р а в и т ь		Должное правило – право – закон	Действительное истина – в е р а – правда и правдивость
= направ- лять право/лево	= у п р а в л я т ь управление – правление – правительство – правосудие – оправдание – исправление	= исправ- лять правка	сверка – проверка – поверка; доверенность – заверение – достоверность – удостоверение

«Связь-регулирование», «должное» и «действительное» - это семы (минимальные смысловые единицы), описывающие значения данных лексем. Истина, вера, правда и правдивость сгруппированы вокруг позитивной семы «действительное», т.к. обозначают то, что есть на самом деле. Правила, права и законы устанавливают то, что должно быть (нормативная семантика). Переход между позитивом и нормативом осуществляется через правоту, справедливость и действие «править», образующее собственный смысловой ряд.

Истина есть метафизико-гносеологическое понятие. С гносеологической стороны это продукт и высший регулятив познания [2], соответствующий реальности и определяющий когнитивные возможности. С метафизической стороны истина есть то, что есть на самом деле, т.е. реальность. Как языковой знак «истина» имеет метафизический аспект планом содержания, а гносеологический – планом выражения. Слияние в духе Гегеля в истине гносеологии и метафизики подтверждает её абсолютность.

Правда есть практическая реализация истины, выступающая как относительное искажение истины (обычная правда) либо как достоверное заблуждение, в силу ограниченности сознания воспринимаемое как истина (истинная правда). Первый вид есть количественное сужение второго. **Вера** представляет собой полагание правды истиной и обеспечивает переход от истины к правде и обратно. Прямой переход – **уверенность**: когда человек говорит, что Земля плоская, он в этом уверен⁴⁷. Обратный заключается в изложении кем-либо версии (правды), соответствующей истине, и является **правдивостью**.

Во времени и пространстве вера проявляется в придании чему-либо истинности, соответствия тому, что есть на самом деле. **Сверка** есть сопоставление чего-либо с контрольным аналогом, истинность (верность) которого подтверждена. **Проверка** состоит в установлении истинности каких-либо данных. **Поверка** заключается в установлении соответствия каких-либо заявлений истинным данным (поверка показаний прибора учёта электроэнергии).

Подтверждение истинности чего-либо есть **заверение**, например, нотариальное. Подтверждённое соответствие каких-либо сведений истине является **достоверностью**, а что-либо, обладающее таким свойством, есть **удостоверение**. Отношение к кому-либо, предполагающее убеждённость в признании им правды предполагающего, составляет **доверие**, официальное подтверждение которого есть **доверенность**. В целом, корень **-вер-** выражает соответствие чего-либо истине, что подтверждается наречием и предикатом **верно**.

Правило определяет должный порядок функционирования в данных условиях. Совокупность социальных правил порождает **право**. Его абстрактная форма есть право вообще, как способ общественных отношений и социальный институт. Конкретная – право в контек-

⁴⁷ См. <http://vk.com/search?c%5Bq%5D=земля%20плоская&c%5Bsection%5D=communities>.

сте прав человека: на жизнь, частную собственность и т.п. Формальное воплощение права создаёт **закон**⁴⁸, с которым право относится как речь и язык⁴⁹.

Переходное между правдой и правом понятие – **справедливость** – соответствие права правде, т.е. основанность правил на истине. Принципиально справедливость имеется всегда, т.к. определяется относительно закона/права. Однако степень соответствия последнего истине разделяет справедливость на **фактическую, реальную** (соответствие максимально) и **фиктивную, формальную** (минимально).

Правота состоит в фактической обоснованности, полноценности справедливости, её истинном содержании. Развёртывание права во времени и пространстве порождает многоаспектное действие **«править»**. В целом его семантика связана с приведением чего-либо в соответствие с правдой/истиной. Править в значении **«направлять»** - избирать верный – т.е. истинный курс движения в пространстве: физическом или социальном. Мифологическое сознание, опираясь на оппозицию «свой-чужой» придало значение верного направления («своего») слову **«право»**.

«Править/направлять корабль/бал» синонимично «управлять кораблём/балом». Первое значение порождает второе: править в значении «управлять» - реализовывать право, превращать его в справедливость, т.е. обеспечивать истине действие. Наконец, «управлять» означает в т.ч. и устранять факты несправедливости и неправды – ошибки истины в действии. Отсюда править в значении **«исправлять»** - придавать чему-либо истинность, а в социальном аспекте – истинную правду. Процесс и результат такой работы суть **правка**.

Править в значение «управлять» образует девербатив **«правление»**, означающий некий процесс применения правовых норм и осуществляющего его субъекта (агенса). Такое правление подразумевает некую телеологию, выражаемую утратой префикса **у-** девербатива от «управлять» - **управление** – реакции системы на изменения, изначально не предполагающей конечной цели. Её появление переводит управление в общественную плоскость и даёт толчок к его трансформации в правление, организация которого создаёт **правительство**.

Если правило и право представляют собой институционализацию правды, которая осуществляется посредством идеи справедливости, то управление и правление суть механизмы реализации этой идеи, а правительство должно быть агенсом (агентом) данного процесса. **Правосудие** как контрольная функция управления состоит в установлении истины по делу, т.е. реализации справедливости как связи правды и истины. Правосудие, основанное на формальной правде, реализует формальную, фиктивную справедливость.

Результат правосудия выражается в **оправдании** или **исправлении**. Первое происходит в случае невиновности и заключается в признании правоты и правдивости подсудимого и соответствия его правды истине. Второе есть вторичный процесс обвинительного решения, заключающийся в правке мировоззрения, т.е. в устранении в себе самом ошибок истины в действии, т.е. субъективно фиктивной, индивидуально формальной справедливости. Принципиально исправление возможно вне правосудия.

Введение в семантическую пару дополнительных дериватов с привлечением внешне постороннего корня **-вер-** преобразует её в поле, что позволяет увидеть полную картину отношений истины и справедливости. Такая картина наблюдается для русского языка; в словаре [7] можно **справиться** (ещё одна лексема с этим корнем – обратиться за подтверждением истинности данных) о формальном лексическом значении приведённых слов. Развёрну-

⁴⁸ Примечательно, что корень **-прав-** в законе утрачивается.

⁴⁹ О различии языка и речи в языкознании см. Соссюр Ф. де. Курс общей лингвистики (франц. Saussure F. de. Cours de linguistique générale/ Пер. с фр. А. М. Сухотина, под ред. Р. И. Шор. — М.: Едиториал УРСС, 2004.

тые здесь догадки о системном смысле лексем подтверждаются материалами других языков (перевод осуществлён с помощью веб-сервиса [Google Translate](https://www.google.com/translate)).

Т а б л и ц а 2

СЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ			РОМАНСКИЕ ЯЗЫКИ			ГЕРМАНСКИЕ ЯЗЫКИ		
Русский	Чешский	Болгар.	Латынь	Франц.	Испан.	Англ.	Немецкий	Исланд.
Истина	Pravda	Истина	Veritas	Verité	Verdad	Truth	Wahrheit	Sannleikur
Правда	Pravda	Вярно	Verum	Vrai	Verdadero	True	Wahr	Satt
Правота	Správnost	Правота	Justitia	Justesse	Justicia	Rightness	Richtigkeit	Réttmæti
Справедливость	Spravedlnost	Справедливост	Justitia	Justice	Justicia	Justice Fairness	Gerichtshofs (-keit)	Réttlæti
Право	Právo	Право	Juris	Droit	Derecho	Law*	Recht	Lög
Правило	Právidlo	Правило	Regula	Règle	Regla	Rule	Regel / Richlinie	Reglu
Закон	Zákon	Закон	Lex	Loi	Ley	Law	Gesetz	Lög
Правосудие	Spravedlnost	Правосъдие	Justitia	Justice	Justicia	Justice	Gerechtigkeit	Réttlæti
Верно	Právo	Вярно	Verum	Vrai	Verdad	True	Wahr	Hægri, satt
Вера	Víra	Вяра	Fide	Foi	Fe	Faith	Glaube	Trú

* абсолютная форма – law, конкретная – right.

Из таблицы видно, что для романских языков в целом характерно разделение права и закона с тем же отсутствием корня **-jur-/нрав-** в законе, а также неразличение правоты, справедливости и правосудия. Германские языки вычленяют правоту, но справедливость также отождествляют с правосудием. Славянские языки во многом повторяют ситуацию русского; отличия приведены в таблице.

В целом, межгрупповое сравнение даёт связь на первый взгляд лишнего корня **-вер-**, который перекликается с корнем **-ver-** в романских языках. Вывод об этой связи интуитивен, т.к. праиндоевропейский корень со значением «истина» звучит как ***-sons-** или ***-sat-**⁵⁰ что соответствует исландским **sann-** и **satt**. Тем не менее, представленные закономерности дают основание проследить исторические пути языков и народов.

Исторический субаспект

Формирование устойчивых психосемантических связей, рассмотренных в предыдущем разделе, имеет диахронический характер и основано на развитии народов-носителей в ходе исторического процесса: особенности взаимодействия субъектов общества порождали соответствующие ассоциации одних понятий с другими, что выражалось языковой деривацией друг от друга лексем, выражающих эти понятия. Наполнение истины и справедливости содержанием и смыслом менялось в ходе исторического процесса.

Выше уже отмечалась особенность первобытного общества, определявшаяся мифологическим родоплеменным сознанием и выражавшаяся в неразличении истины и справедливости – родового блага – «своего». Предполагается невозможность лжи в родовом созна-

⁵⁰ См. Гамкрелидзе Т.В., Иванов В.В. Индоевропейский язык и индоевропейцы. – Тбилиси, Изд-во Тбилисского гос. университета, 1984. – С. 810.

нии⁵¹, т.е. первичный синкретизм истины и справедливости был формой общения членов рода. Отсутствие лжи определялось неотделимостью личного блага от родового, что в редуцированной форме сохранилось в современных этносах первобытного типа⁵².

Первобытность была единственным справедливым периодом в том смысле, что условия существования не давали возможности разделения истины и справедливости и формализации и фиктивного обращения последней. Становление первых цивилизаций привело к социальному расслоению, повлекшему не только разделения двух прежде слитых понятий, но и положившему начало инверсии и инфляции истинной справедливости.

Ранние государства и племенные союзы уже имеют элиту и непривилегированные слои общества. Знания и управление отходит к первому классу, который получает возможность спекуляции ключевыми понятиями, в т.ч. истиной и справедливостью. В предыдущих разделах с разных ракурсов показан процесс разведения этих лексем и раскола справедливости как таковой. Это закрепилось в религиозном объявлении истиной правды – позиции – монархов и жречества, приравненных к богам или их земным детям: ярчайший пример этого – божественность фараонов, а в настоящее время – японских императоров (Тэнно)⁵³.

Полагая истину как соответствие утверждений реалиям, а также как сами эти реалии, можно сказать, что человеческая цивилизация имеет условием своего возникновения, существования и развития отдаление от истины, тем более сильное, чем выше уровень развития общества. Сообразно этому происходит утрата справедливостью той истинной основы, которая наполняла её в первобытности и ранней древности. Справедливость становится не стремлением к истине, а реализацией позиции правых – власть имущих.

Отсюда происходит деривационное развитие лексем с корнем **-прав-**: субъективная истина – правда – в славянских, к примеру, языках приобретает значение закона, что отражено в наименованиях правовых актов: Русская правда, Салическая и другие варварские правды⁵⁴ и т.п. В романо-германских языках такого не наблюдается, что дает основание полагать разные условия развития правовых систем. Правда-право – это некая метафизичность будущего закона, выражающая его дух и тяготеющая к нормативности: как должно быть: в правовом акте отражается верифицированная позиция правящего класса, уже принадлежавшего к христианской культуре.

Правда европейских народов раннего средневековья, в первую очередь, франков, основана на понимании языческого субстратного населения Галлии и Германии в сочетании с пониманием язычников же римлян. Для обеих культур, в особенности для субстрата, пребывавшего в состоянии родоплеменного строя, было актуально понимание правды как формы истины, что отражено в однокоренных словах. Правдиво означало верно: английское *It's true* можно перевести и как «Это правда» и как «Это верно», равно как и французское *C'est vrai* или немецкое *Das ist Wahr*.

Интересно отношение понятий в славянских языках: болгарский прямо сводит «правду» и «верно» в одно слово «вярно», а чешский объединяет истину и правду понятием «правда» – этаким вторичный синкретизм. Это позволяет выделить два пути этноязыковой

---

⁵¹ Это следует из отсутствия в праязыках семантем «правда» и неразделении правды и истины, см. там же, сс. 1131, 1133, 1334.

⁵² Эта черта культур раннего строя отмечается в романе В.С. Пикуля «Звёзды над болотом».

⁵³ Божественность японских императоров была отменена «Декларацией о человеческой природе» императора Хирохито («Нингэн-Сэнгэн») от 1946, выпущенной по настоянию американской стороны. Впрочем, по филологическим причинам эта отмена неоднозначна – см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Нингэн_Сэнгэн.

⁵⁴ Таков традиционный перевод на русский язык правовых актов франков, бургундов и других германцев: *Lex Salica* (Салическая правда), *Lex Ripuaria* (Рипуарская правда) и другие *leges barbarorum*, см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Варварские_правды.

эволюции. Первый означал расхождение истины и правды, причём последняя объединялась с правом и отделялась от понятия «верно». Такая траектория в целом отражает особенности исторического развития России и вообще восточного славянства.

Опыт российской практической юриспруденции показывает, что правовые нормы были далеки от отражения истинных ситуаций, значит, и от понятия «верно». Долгий период в общественном и государственном сознании главенствовали идеологические мотивы: церковные (в судебниках 1497, 1550, 1589 годов), государственного строя и управления (в советских конституциях⁵⁵ 1924, 1936, 1977 годов). Названия некоторых советских печатных органов повторяют схему названия древнейших правовых сборников – «Комсомольская (и другие)⁵⁶ правда». Расхождение истины, истинной правды и права, обеспечивавшего формальную справедливость, отразилось в формуле «судить по закону или судить по совести», т.е. по внутреннему чувству справедливости.

Паремия «закон как дышло, куда повернёшь – туда и вышло» отражает состояние социальной организации правды и справедливости. Запутанная юридическая система вкупе с массовой элементарной неграмотностью определяла спекуляцию этими понятиями в интересах – т.е. по правде – власть имущих. Последние же также были подвержены спекуляции истиной со стороны более высоких чинов. Наконец, все они находились под властью абсолютного монарха, который в конечном итоге и определял правду и право.

Европейская история реализовывалась по пути, состоявшем в максимальном сближении истины, правды и «верно» при отделении права. Это характерно для запада – романо-германского мира, развивавшегося на обломках Римской империи. Анализ хода истории этих территорий показывает, что право, будучи изначально механизмом практического регулирования, выросшим из римской юрисдики и правовой культуры субстрата, не претендовало на истину в последней инстанции.

Такую позицию отчасти заняло каноническое право Римской католической церкви, описывающее, впрочем, те же механизмы управления церковной машиной⁵⁷. В целом расхождение права с истиной носило иной – фундаментальный – характер. Истина быстро ушла в область философии и схоластики, тогда как право должно было отражать насущные потребности вводящих его суверенов⁵⁸. Истина и право (т.е. справедливость) принадлежат разным областям, поэтому совпадать они и не должны.

Удивителен пример чешского языка, объединяющий истину и правду одним словом «Pravda». Очевидно, это некое исключение, обусловленное сохранением старославянской лексики «правѣда» с нерасчленённым значением⁵⁹. Различение в славянских языках в разных словах правосудия и справедливости подчёркивает описанный выше процесс становления права в России. Примечательно, что чешский язык объединяет оба понятия в слове

---

⁵⁵ Впрочем, таков тип т.н. конституций власти, ярчайшим примером которых является Конституция США (без поправок – Билля о правах и т.д.), см. <http://www.constitutionfacts.com/content/constitution/files/USConstitution-Russian.pdf>.

⁵⁶ Слово «правда», семантически повторявшее эту лексику в названиях древних правовых актов («Русская правда» и т.д.), было стандартным в наименованиях советской прессы: «Казахстанская правда», «Крымская правда» и т.п., см. http://ru.wikipedia.org/wiki/Республиканские_газеты_СССР.

⁵⁷ См. Кодекс канонического права / Святой Престол, Ватикан. – М.: Ин-т философии, теологии и истории св. Фомы, 2007. – <http://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici-russian.pdf>.

⁵⁸ Таков, к примеру, закон мужчин – la loi des mâles, говоривший, что «негоже лилиям прясть» (les lys ne filent pas), см. «Проклятых королей» М. Дрюона (книга 4).

⁵⁹ См. Словарь старославянского языка. В 4 томах. Том 3. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербургского гос. университета, 2006. – С. 244. (Репринт издания Чехословацкой академии наук: Slovník jazyka staroslověnského. – Praha, Československá akademie věd, 1966–1997).

«Spravedlnost», представляя, т.о., правосудие как процесс реализации справедливости. Видимо, здесь влияние немецкого языка, в котором оба понятия суть одно *Gerechtigkeit*.

Романские и германские языки уверенно не разделяют правосудие и справедливость, причём это идёт ещё от латинской юстиции. Это слово, кстати, в русском языке приобрело смысл именно правосудия, а точнее – его организации и исполнения, порученных профильному министерству, т.е. юстиция в русском языке понимается предельно формализовано. Это обусловлено вхождением данного слова в лексику в середине 17 века в виде наименования Юстиц-коллегии; при этом язык уже обладал указанной выше семантической сетью.

Исторический субаспект объединяет экономический, юридический, политический, лингвистический в их диахронизме, отсюда ссылки на разные источники. История языка и народа – его носителя показывает общую тенденцию – расхождение в процессе развития истины и справедливости, закрепляемое в языке. Свойства того или иного общества выражаются в отождествлении либо в разведении понятий, относящихся к одной области. Данные семантические процессы основаны на логических переходах и преобразованиях.

Логический субаспект

Прояснение отношений понятий «истина» и «справедливость» возможно в логическом пространстве, на котором основано научное знание. «Логический» здесь означает одновременно и логику – науку о категориальном мышлении и «логос» - слово, знание, учение, причём логос проистекает из логики. В таком понимании категории возвращаются на свои места, которые они занимали в эпоху первобытного синкретизма сознания, и отличает их только то, что теперь они вычленены и разделены.

В логическом субаспекте⁶⁰ снова определяются принципиальные построения: метафизическая часть – реалии, гносеологическая – истина, этическая – справедливость. В логическом отражении реалии становятся понятиями, истина – суждением, справедливость – умозаключением. К примеру, понятие «энергия» отражает реалию окружающей среды, суждение передает уровень представлений о ней, а умозаключение выражает степень соответствия представлений реалии, т.е. суждения понятию.

В таком представлении суждение может иметь разные степени истинности. Так, размышления астрологов и экстрасенсов о биополях и космической энергии в лучшем случае могут быть правдой. В то же время, понимание энергии как движения материи (по формуле $E = mc^2$) удовлетворяет и бытовым, и интуитивным, и экспериментально подтверждённым догадкам. Умозаключения определяет возможность использования суждения как понятия для новой логической схемы. Поскольку биополе не есть реалья, данное учение не может быть развито далее. Напротив, приведённая формула позволяет решать на её основе теоретические и практические задачи, т.к. она совпадает с реальей.

Логическая справедливость определяет субъект как соответствующий реалиям или нет. Утверждение «Снег белый» справедливо, а «Снег зелёный» - нет именно потому, что в первом случае высказывание совпадает с реальностью, т.е. истиной в суждении, а во втором нет. Аналогично с выражением « $4^{-1/2} = 1/2$ » с той лишь разницей, что в первом случае истина устанавливалась опытным путем, а во втором – с помощью аналитической операции разума. Логическая справедливость может содержаться в самом утверждении, выступая в качестве его предиката: «Выражение $2x = x^2$ справедливо при $x_1 = 0$ и $x_2 = 2$ ».

---

⁶⁰ Далее представлены рассуждения автора, не связываемые им с господствующими теориями.

Т.о., в логическом субаспекте происходит восстановление понимания справедливости как стремления к истине, утраченного ещё на стадии формирования права. Более того, логическая справедливость представляет собой стремление истины к реальности, т.е. стремление к познанию мира таким, какой он есть на самом деле. В таком случае справедливость становится своего рода синтезом в системе «реальность – истина», если последние рассматривать как тезис наличия и антитезис восприятия в рамках диалектического подхода.

Отсюда выводится понимание истины как регулятива познания [2]: истинно то, что может стать отправной точкой для дальнейших изысканий, и при этом не войдёт в противоречие с остальными утверждениями, истинность которых доказана экспериментально. Это, в свою очередь, означает пограничное положение истины в рамках научного поиска: реалии становятся практикой, дающей материал для изучения и формирующей область применения полученных знаний. Справедливость умозаключений составляет теории, гипотезы, учения и прочие научные идеи и концепции, т.е. теорию в широком смысле.

Истина, с одной стороны, позволяет вычлени из реалий те элементы, которые не обходимы в рамках целей исследования. С другой же, она определяет формат применения готовых знаний в этих же реалиях. Иными словами, истина в науке выступает как метод, причём и метод познания (фундаментальный, теоретический), и метод применения (прикладной, практический). Типология метода научного познания определяет виды истины, существующей в рамках научного познания.

Методы опытного познания определяют переход от понятий к суждениям, т.е. становление истины из восприятия реалии посредством органов чувств. Применение к результатам эксперимента логических операций обуславливает развитие истины в справедливость – умозаключение познания. Опытная истина есть практическая, рациональная – теоретическая. Момент перехода опытной истины в рациональную определяет существование её как таковой, безотносительно её происхождения.

Дальнейшее разделение фундаментальной истины определяется типом применяемых наук: комплексными, естественными и общественными дисциплинами. Естественные науки имеют в качестве истины законы природы – гипотетические модели природных процессов, справедливость которых определяется возможностью применения данных моделей для решения прикладных задач, иначе – реальной работой этих моделей. Три уровня природы: неорганика – простая органика – разумная органика определяют три вида прикладного естественного знания: техника, хозяйство (сельское, рыбное, лесное и т.п.) и медицина.

Здесь в понятие истины вводится телеологический – целевой – элемент: все эти отрасли удовлетворяют запросы человека и общества, и их метафизический уровень – реальность определяется только практической в них потребностью. Поэтому истинные разработки в указанных областях должны обладать направленностью на достижение какой-либо цели. Справедливость же здесь состоит в наличии в разработке целенаправленности, целеустремлённости и в реализации последних на практике.

В общественных (социологии, политологии, истории, экономике, юриспруденции) науках реалии заключаются в обществе и механизмах его функционирования. С одной стороны, такие реалии продолжают природные, а с другой – определяются общественной, социальной правдой и справедливостью. Т.о., истина общественных наук становится отчасти вторична их справедливости, что снижает чёткость её проявления и затрудняет определение соответствия реалиям, т.к. те разбавлены нормативизмом справедливости.

Поскольку истина абсолютна и позитивна, т.е. независима от отношений, которые описывает и ценностных установок, в общественных науках, зачастую немыслимых без идеоло-

гического начала, она подвергается спекулятивной инфляции. Позитивизм в социологии, политологии⁶¹ и истории крайне сложен не только из-за тоталитарных режимов, но и из-за наличия каких-либо убеждений у любого исследователя. Юриспруденция же, изучая правовые механизмы, вообще зачастую определяется не истиной, а правдой – позицией законодателей, выдаваемой за истину.

Определить истину точно можно лишь в экономике, поскольку механизмы хозяйствования основаны на распределении материальных благ, реализация которого в целом подчиняется общим принципам распределения ресурсов в природе. В остальных общественных науках истина становится полупозитивной-полунормативной, а в ряде случаев обращается в чистый нормативизм (научный коммунизм, диалектический материализм и т.д.).

Телеологическая направленность также отличает и прикладное общественное знание: педагогику, этику и т.д. Она во всём повторяет схему техники, хозяйства и медицины. В гуманитарном знании (филологии, искусствоведении, культурологии и т.п.) реалиями становятся язык и текст в широком смысле. Истина здесь проявляется от естественного уровня в лингвистике до уровня социологии в литературоведении и теории искусства. Справедливость в них варьируется между соответствием истины реалиям и реализацией правды – идейно-канонических установок в искусстве.

В логике справедливость есть связь между истиной и реалиями: логика существует в рамках познанной природы, т.е. между гносеологией и метафизикой. Но в науке истина и справедливость обращаются, и теперь истина становится связующим звеном. Выражаясь в методе, она институционализирует науку: переводит её от изучения реалий к построению теорий – основы организованного знания, способного к кумуляции и наследованию.

Это обращение обеспечивается развитием сознания: если в мифологическом справедливость как стремление к общему благу только связывала природные и общественные реалии, то в рациональном она как стремление к благу индивидуальному или групповому (клановому, корпоративному) становится самоцелью и сама порождает истину – праву. Через логику и логос происходит слияние разных форм деятельности в цельный быт.

ИНТЕГРАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

Интегральный субаспект

Интеграция хозяйства, права, политики, языка, искусства и сознания образует быт, который можно определить как динамическую целокупность актов насущного, повседневного бытия. Именно в быту проявляется вся сложность понимания человеком таких категорий, как истина, справедливость и правда. Поскольку последний ныне является продуктом становления экономики, права, экономики, языка, религии и культуры, он отражает все изменения отношений между понятиями, сложившихся на предшествующих стадиях.

В целом на предыдущих этапах развития данных понятий происходили инверсионные изменения и разделения первично синкретичных психосемантем, что в итоге привело к инфляции истины, правды и справедливости. Последние стали использоваться в качестве морального, психологического оружия в личных и коллективных, в т.ч. классовых противо-

---

⁶¹ Проблема общественнонаучного позитивизма сильна ещё и потому, что указанные науки отмежевались в 18 веке от нормативных социальной и политической философии именно за счёт позитивного подхода в методологии.

стояниях. Степень идеологизации данных понятий различна: от взаимных обвинений до обоснования открытых конфликтов и вульгарного эгоизма моральных маргиналов.

По большому счёту, в быту – личном, коллективном, общественном – нет ни истины, ни справедливости, ни правды. Такая ситуация описывается многими афоризмами; почти дословно это утверждение повторяет Олдос Хаксли: «Естественных прав нет, есть улаживание спорных притязаний» [1:394]. Переход от правде к праву представляется допустимым – их отношение описано в лингвистическом субаспекте и подтверждается для быта определением Н. Бердяева: «Право – правда, преломленная в социальной обыденности» [1:399].

В характерной пессимистической манере Хаксли выражает предельную степень инверсии данных понятий в быте развитого общества. Во-первых, ключевым понятием становится справедливость, которая определяется относительно правды, т.е. истины в релятивистском искажении. Истина в таком построении не участвует вовсе, поскольку она предполагает метафизическую абсолютность природы и потому несовместима с общественной относительности. С другой стороны, она номинативно подразумевается, т.к. искажённое социальное построение выдаётся за нечто истинное и нуждается потому в опоре на истину.

Предельная инфляция понятий в индивидуальном сознании вульгарного эгоизма сформулирована в изречении С. Батлера [1:513]: «Справедливость – это когда мне позволено делать всё, что угодно. Несправедливость – это то, что мешает мне жить по своему усмотрению». Совпадая с инфляционной трактовкой демократии, эта формула описывает социальное сознание т.н. «быдла» (от старославянского *bydlo «скот», ср. польское bydło с тем же значением)⁶². Подтверждением тому некоторые объекты массовой культуры⁶³.

В более общей форме, неприменительно к одному только «быдл-классу», та же мысль изложена В. Швебелем: «Когда говорят о правах человека, каждый имеет в виду свои собственные» [1:394]. Данная мысль одинаково подходит и личной, и коллективной, и общественной справедливости. Такая позиция поддерживается завистью, искажающей представления о данных категориях. В рамках данного чувства невозможно помыслить, что справедливым может быть наличие у кого-то материальных благ, которых нет и не предвидится у завидующего. Ведь если он не может их получить своими усилиями – разумеется, честными, то и тот, кто ими обладает, не мог получить честно, т.е. – справедливо.

Коллективная инфляция данных категорий прямо проистекает из индивидуальной и выражается либо только в имущественных притязаниях одной группы лиц к другой, либо также и в идеологизированных. Как справедливо (тавтологический каламбур интересен) заметил Ж. Вольфрам, «справедливость всегда приправлена щепоткой мести» [1:513]. Вспоминается бытовой пример, описанный в художественной литературе: ожесточенный спор родственников о наследстве, замаскированный под плач по покойнице.

Персонажи рассказа А.Н. Солженицына «Матрёнин двор» излагают свою правду и заявляют претензии на имущество погибшей Матрёны, полагая их справедливыми, хотя отсутствие стороны прижизненной заботы о Матрёне исключают истинность таких притязаний. Аналогичны частые ситуации т.н. наследования по закону, в результате которого имущество достаётся лицам, имеющим формальное право, не подтверждённое их реальным активным участием в жизни наследодателя. В таких ситуациях ярко проявляется разделение истинной и формальной справедливости и правды: действительно близкие люди докумен-

---

⁶² См. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (нем. Vasmer M. Russisches etymologisches Wörterbuch). В 4 томах. Том 1 / Пер. с нем. и комм. О.Н. Трубачева. – СПб.: Азбука, Терра, 1996. – С. 158.

⁶³ Быдло: песня // шоу «Уральские пельмени», программа «Вялые паруса», часть 1. Автор и исполнитель Вячеслав Мясников. – <http://www.youtube.com/watch?v=yc8Zoquyr0k>.

тально оказываются посторонними, а официальные «родные и близкие», зная не желавшие наследодателя при жизни, а то и жившие за его счёт, получают его имущество.

Диахронический аспект коллективной бытовой справедливости выражается в историческом закреплении отношений кланов и других подобных групп. Классический литературный пример – вражда семейств Капулетти и Монтекки, заслонявшая даже власть веронского герцога⁶⁴. Её историческим основанием является обычай вендетты, распространённый в Южной Италии⁶⁵. Примечательно, что проявление такой инверсивной справедливости коллектива отразилось в фильме о ложной справедливости общества («В» означает «вендетта» / V for Vendette, США, 2005).

Мифологическая оппозиция «свой – чужой» легла в основу временного перемирия и объединения правящих кланов, например, во время войны Англии с Шотландией. В этом случае традиционная справедливость мести инверсировалась в справедливость охраны страны, и бытовая сфера переходила в государственную, политико-правовую. Наоборот, преследование личной справедливости в ущерб «национальным интересам»⁶⁶ оценивалось как неправоное дело, что отражено в частом шотландском сюжете, воплощённом В. Скоттом и переведённом на русский язык В.А. Жуковским⁶⁷.

Наконец, бытовая справедливость в её вульгарном проявлении образует прочное основание для фашистских режимов. Другие тоталитарные явления – социализм и коммунизм – этот «фашизм бедных», по определению Генриха Белля [1:224], легализует положение, описанное в другом афоризме того же В. Швебеля: «Справедливость начинается там, где делить начинают бедные, и кончается, когда они насытятся» [1:514].

Это подтверждается общей риторикой заявлений типа «чтобы не было богатых», «отнять и поделить» и т.п. Социальная справедливость Евросоюза демонстрирует тот же идейный концепт, ведь по мнению всё того же В. Швебеля, «о справедливости больше всего говорят слабые» [1:514], ибо сильные эту справедливость создают.

Социокритический пафос этого мыслителя продолжается и в переходе от справедливости к правде, которая, в духе романо-германского языка и сознания, не отделяется им от истины: «В общественной жизни правда только тогда имеет цену, когда её можно выгодно продать». На фоне этого откровенного до циничности⁶⁸ утверждения мнение Данилы Багрова о том, что «у кого правда, тот и сильный» (фильмы «Брат» и «Брат-2», Россия, 1997–2000) выглядит особенно наивно.

Если заменить правду самым словом «истина», получим другой афоризм (С. Батлера) с предельно близким смыслом, отражающим бытовую спекуляцию этим понятием на любом уровне: «Истина в любой области – это та точка зрения, которая либо имеет, либо будет иметь власть» [1:212]. Что ж, «хорошо быть честным, но и правым быть тоже немаловажно» [1:400], как заметил У. Черчилль. Поэтому – по убеждению К. Морли – «истина – это не диета,

---

⁶⁴ Ибо, как поётся в первой песне одноимённого мюзикла, «Здесь нет любви к королю, здесь два семейства вершат закон», в оригинале (фр.) «Ici c'est pas l'amour de roi, / Ici deux familles font la loi», см. http://soundtrack.lyrsense.com/romeo_et_juliette/verone.

⁶⁵ Мафиозная организация Cosa Nostra (по-итальянски – Наш Дом), выросшая из национального движения, ещё один пример инфляции и инверсии понятий. Киноэпопея «Бандитский Петербург» (Россия, 1999–2007) также развивает тему справедливости и чести в криминальной среде.

⁶⁶ Аллюзия на название одноимённой передачи на телеканале «Россия-1» с Дм. Киселёвым.

⁶⁷ Скотт В. Замок Смальгольм, или Иванов вечер. Пер. с англ. В.А. Жуковского // Эолова арфа: антология баллады / Сост. А.А. Гугнин. – М.: Высшая школа, 1989. – С. 224–229.

⁶⁸ Здесь вспоминается циничное замечание Калонна (министра финансов Франции в 1783–1787 годах), см. Мемуары Талейрана (фр. Memoires du prince de Talleyrand) / Под ред. Е.В. Тарле. Пер. с франц. – М.: Изд-во МГИМО, 1959. Цит. по Бурин С.Н. Наполеон Бонапарт. – М.: Олимп; Смоленск: Русич, 1999. – С. 21.

а приправа» [1:212]. Проще говоря, ложь зачастую выгодней, и это её оправдывает, поэтому – уже по социопатическому наблюдению доктора Хауса – «все врут»⁶⁹.

Спекуляции и инфляции истины и справедливости подтверждают мысль Томаса Карлейла: «Из всех прав неопровержимое – это право умного вести за собой дурака» [1:394]. Собственно, так и происходит, потому что умные – сильные духом – создают ту справедливость и правду, о которых говорят толпы дураков⁷⁰ – слабых. Т.о., в быту как основе социума истина полностью подменяется относительной правдой и искаженной справедливостью, а по выражению Г.В.Ф. Гегеля, «рождается как ересь и умирает как заблуждение» [1:212].

Общефилософский субаспект

Закончив предыдущий раздел на уникальной фигуре мировой философии, мы логично перейдём к преломлению наших категорий в последней. Логичность эта тем более естественна, что философия, по определению Герберта Спенсера, «знание наивысшей общности»⁷¹, а значит её следование после интегрального – обобщённого – субаспекта более чем закономерно. В данном разделе позволим себе незначительные компиляции – ради наглядности представления философской концепции истины и справедливости.

В статье «Философского словаря», написанной А.Г. Спиркиным [8:226], истина определяется как «адекватное отражение объекта познающим субъектом, воспроизведение его таким, каким он существует сам по себе, вне и независимо от человека и его сознания». Такая дефиниция отвечает рассматриваемому ранее в данном сочинении пониманию истины как реалий, т.е. того, что есть на самом деле. Принцип корреспонденции (соответствия) знания – правды вещам – реалиям по Аристотелю⁷² есть главное свойство истины. В рамках изложенного выше этот принцип предстаёт как связь истины реалий и правды знаний о них, т.е. как справедливость в её первичном смысле стремления правды к истине.

Разделение истины на метафизическую и гносеологическую в целом соотносится с представлениями Лейбница о фактической и логической истинах соответственно. Также общепринято философское понимание истины как некоего единства знания и метода, как это изложено в логическом субаспекте. Все эти положения с определёнными вариациями в духе школы и течения отражены в учениях философов античности и нового времени.

Вместе с тем в статье А.Г. Спиркина содержатся утверждения, обеспечивающие, на наш взгляд, философскую – т.е. высшую – инфляцию разбираемого понятия. Так, автор сразу же относит к истине объективный опыт познания, подменяя им заявленную им же независимость истины от человека. Объективность фактически выступает здесь как абсолютность, но от этого её релятивистская природа не исчезает. Истина низводится до уровня относительного знания, хотя и не субъективного, т.е. не личного.

Рассуждения об относительной истине, которая отражает уровень познавательных возможностей общества и приближает его в историческом процессе к абсолютной истине, фактически уничтожают саму сущность этой категории. Семантическая и деривационная непродуктивность этого слова во многих языках Европы отражает внешность истины человеческой деятельности, поскольку использование данного понятия ограничено отдельными профессиональными практиками: наукой, юриспруденцией и т.п.

---

⁶⁹ Хаус и философия: все врут! (англ. N. Jacoby etc. House and philosophy: everybody lies.)/ Г. Джейкоби и др.; пер. с англ. М. Вторниковой. – М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2010.

⁷⁰ Песня о слухах // Высоцкий В.С. Парус. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2012.

⁷¹ Сочинения Герберта Спенсера. Основные начала. – СПб.: Издатель, 1899.

⁷² Мнения философов приведены по энциклопедическим статьям.

Как это было показано в предыдущем разделе, быт, т.е. человеческое бытие само по себе, без дополнительной высшей телеологии, лишено истинности и предано правде и искаженной в историческом развитии общества справедливости. Отсюда представляется невозможным без разрушения категории истины придавать ей релятивистский момент. Все относительные «аватары» истины суть правды, которые – в идеале – должны только стремиться к истине. Правду можно назвать относительной истиной только формально, чтобы подчеркнуть её гносеологическую, когнитивную связь и преемственность.

Апология относительной истины как развития человеческого познания в духе диалектического материализма устраняет абсолютную сущность понятия, отвергая её принадлежность к духу как традиционному носителю абсолюта. Механическое толкование абсолютной истины как суммы относительных, данное В.И. Лениным, на наш взгляд, лишает категорию целостности и неделимости как следствий её абсолютности⁷³.

Основание такого подхода заключается в мнении К. Маркса о практическом критерии истины: практика есть связующее звено между природой (реалиями) и сознанием. Т.о., истинно то, что подтверждается на практике; тезис здравый, но отнюдь не дающий основание превращать истину в сумму правд, которыми на самом деле является т.н. относительная истина. Отсюда можно было бы перейти к правде, но такой статьи философские словари не содержат, предлагая взамен три статьи о справедливости.

Философский словарь определяет справедливость как «понятие о должном» [8:650]. В целом исторический путь этой категории, описанный в статье, соответствует представленному в настоящей работе. Становление института частной собственности породило власть в нынешнем понимании, а значит – разделение справедливости на фактическую и формальную. Это соотносится с заложенным ещё Аристотелем различием общей и специальной (частной) справедливости.

Первая есть, по сути, сама общественная система, обладающая справедливостью как стремлением к благу – похожим образом эта категория определена в словаре этики [9:457]. Частная справедливость предполагает некую институционализацию, а значит формализацию и искажение фактической – общей. Таковая существует в двух диалектических тенденциях: уравнивания в благах и распределения оных. Уравнение при этом ещё не означает равенства в эгалитарном смысле этого слова; здесь, скорее, математический смысл приравнивания одного социального выражения другому.

Диалектический момент между ними основан на том, что системная дистрибуция возможна в условиях наличия общества, члены которого уравнены друг относительно друга в пределах классов, а классы оценены друг относительно друга. Таковы системы штрафов (вир) по Русской правде, уравнивание голосов представителей разных сословий на выборах в Государственные думы в начале 20 века, приравнивание голосов сословий в рамках французской представительной монархии и т.п.

Как отмечалось ещё в экономическом субаспекте, справедливость формальная перевешивала фактическую в том плане, что ориентиры этой категории определялись лицами, имевшими интеллектуальные и материальные ресурсы их укрепления. Это согласуется с концепцией марксизма, но лишь отчасти. Классики марксизма утверждают, что «в народном сознании всегда развивались идеи, выражающие протест против эксплуатации и неравенст-

---

⁷³ По аналогии вспоминается: «Третий закон Голпалотта гласит, что противоядие от составного зелья не сводится к набору противоядий для отдельных его компонентов», см. Ролинг Дж.К. Гарри Поттер и Принц-полукровка (англ. Rowling J.C. Harry Potter and Half-Blood prince)/ Пер. с англ. М. Лахути и С. Ильина. – М.: ЗАО «Росмэн-Пресс», 2005. – С. 386.

ва, а также национального угнетения» [8:650], однако они развивались лишь затем, чтобы самим стать потом средством эксплуатации и угнетения.

Впрочем, позитивистский момент марксизма точен в плане того, что «справедливыми можно назвать общественные отношения людей лишь в том смысле, что они соответствуют исторической необходимости и практической возможности создания условий жизни человека, отвечающих данной исторической эпохе» [8:650]. Продолжение подобных мыслей приводит, однако, к «гениальной» идее распределения по потребностям – дабы обеспечить условия жизни. Такая ситуация полагается в философии социализма с социальным равенством как необходимым дополнением справедливости коммунистического общества.

В статье академика А.А. Гусейнова [9:457–460] отмечается тесная связь философских и юридических концепций справедливости. Общая этика наполняет здесь философский, теоретический уровень и проникает в этику как бы сверху, а частная (специальная) – правовой, практический и проистекает из этики как бы снизу. Действительно, схоластическое право средневековой Европы проистекало в своих установках из постулатов христианской философии. Шариат сегодня являет пример нераздельного единства правовой системы и религиозной этики, заменяющей все иные её формы.

Связь теории и практики справедливости порождает вспомогательную категорию социальной справедливости [9:460–463], обретающую вскоре, впрочем, самостоятельное значение идеальной дистрибуции прав и материальных благ. Примечательно, что итогом развития общества от хозяйства до политики стало введение в круг общественного обмена прав как нематериальных благ, имеющих относительно них высшую ценность. Социальная справедливость реализуется в трёх аспектах: равенство (отсюда концепции эгалитаризма), пропорциональность (принцип аристотелевского воздания – третьей формы справедливости), гарантия неотъемлемых прав.

Три эти аспекта продолжают общественное развитие категории справедливости. Между тем, истина в данном вопросе не упоминается вовсе, как и связь между этими двумя понятиями. Отсюда напрашивается вывод о том, что истина и справедливость в аспекте их взаимосвязи разработаны крайне незначительно.

Частнофилософский субаспект

Хотя истина и справедливость рассматриваются в философии практически порознь, а правда вообще не находит отражения в справочных изданиях, связать эти три понятия необходимо для логического завершения данного изыскания. Предыдущие субаспекты показали наличие такой связи и различные отношения между понятиями, основанные на диалектической схеме абсолютного идеализма. Т.о., философская система Г.В.Ф. Гегеля является исходной для развёртывания собственной авторской позиции по данному вопросу.

Истина в системе Гегеля есть, по сути, реалии, развитие которых выражено в форме диалектического движения. Как таковая истина упоминается в качестве тезиса идеи познания в учении о понятии. Очевидно, идеи являются категориями абсолютного уровня, поскольку им предшествует объективность и субъективность. Справедливость как таковая не сформулирована в основных категориях ни логики, ни философии духа или права, но, очевидно, она относится к проявлениям объективного духа, объединяющего мораль и справедливость.

В любом случае, примем гегелевскую четкость за основу. Категории истины и справедливости мы были вынуждены дополнить понятием правды для создания завершённой

триады, обозначающей связь между тем, что есть (позитивным, реальным, фактическим, природным, естественным и т.п.) и тем, что должно быть (нормативным, идеальным, фиктивным, общественным, искусственным и т.п.). В этой триаде наблюдается взаимоподвижность элементов, образующая три фигуры отношений.

В первой истина и справедливость располагаются другу напротив друга как тезис природного, существующего до человека и антитезис общественного, существующего посредством человека. Первое относится к области метафизики и натурфилософии, второе – к сфере этики и социальной философии. Связью между ними выступает правда как относительное искажение истины и как попытка справедливости найти истинную основу. Правда в таком случае выступает синтезом, в котором истина и справедливость достигают друг друга.

Вторая фигура разводит по полюсам правду (тезис) и справедливость (антитезис). Первая становится точкой зрения, выступающей основанием общественных притязаний и обладающей собственной ценностью. Вторая предстаёт как некое мерило обусловленности этих притязаний, формальная шкала сравнительной оценки точек зрения – правд. Тогда истина, становясь синтезом, включает в себе момент соответствия реальности правды и справедливости. Иначе: благодаря истине становится понятно, имеет ли человек права, на которые он претендует, согласно природным и социальным отношениям.

В третьей фигуре происходит удаление абсолютной истины и её относительного искажения – правды. Мы не можем признать правду относительной истиной, без слова «искажение», т.к. истина по своей семантике не может быть искажённой. Истина становится тезисом, правда – антитезисом. Стремление правды стать истиной, т.е. максимально приблизиться и даже слиться с реалиями, а истины стать единой идеей абсолюта, объекта и субъекта определяет справедливость как стремление данных категорий друг к другу, а значит, и к синтезу.

Приведённые фигуры иллюстрируют отношения истины и справедливости в метафизике (мироздании), этике (цивилизации) и гносеологии (человеке) при развитии сущего по прямому направлению (см. ниже). При активации обратного вектора – от цивилизации – этики к мирозданию – метафизике все эти фигуры обращаются: происходит инверсия тезиса и антитезиса вокруг оси синтеза. Формируются первая (справедливость – правда – истина), вторая (справедливость – истина – правда) и третья (правда – справедливость – истина) антифигуры, которые соответствуют становлению социальной истины общественных реалий (см. ниже) и в известной степени определяют инфляции данных понятий.

Как уже отмечалось выше, эти три категории распределяются по трем уровням философии: метафизика – гносеология – этика. Основой метафизики являются окружающие реалии, которые в восприятии и есть сама истина. Эта же категория есть основа гносеологии, и т.о. метафизика и гносеология сливаются в соответствии с логикой Гегеля. Поэтому истина разделяется на метафизическую – реалии и само научное знание, и гносеологическую (когнитивную) – поиск истины и его методы.

В то же время в гносеологии выделяется правда как релятивизация истины вследствие субъективности исследователей. Она же становится основанием справедливости в этике, причём другим основанием выступает специфическая форма истина – общественные реалии, сочетающие метафизическую и этическую природу. Т.о., в гносеологии остаётся истинная, фактическая правда, а в этику уходит правда формальная, фиктивная. Это определяет расхождение справедливости также на фактическую (соответствие истине) и формальную (соответствие объективной правде общества в виде закона).

Если представить на манер фрейдовских инстанций психики сущее в трёх формах - мироздании, человеке и цивилизации, то в первой будет первична истина, второй – правда, третьей – справедливость. Метафизическая сущность человека обращает ему истину в правду, которая в первобытном коллективе становится справедливостью. Та же в итоге обретает статус социальной истины, т.к. общество в определённом смысле тоже часть мироздания. С другой стороны, собственное познание человека стремится от правды к истине, которая затем формирует новую справедливость. Та же является основой обновлённой правды.

Обращаясь к вектору субъект – объект – абсолют, отметим, что субъективной бывает, как правило, правда, поскольку её коллективное восприятие порождает справедливость, существующую на объективном уровне. Абсолют занимает истина, и это принципиальный момент, который мы полагаем ключевым для понимания всех трёх категорий. Релятивизации истины низводит её до правды и справедливости, которые лишь ссылаются на неё, но имеют с ней общее лишь в пространстве и времени.

В этом векторе возможно движение в обоих направлениях. При прямом – от абсолюта (высшего) к субъекту (низшему) природные реалии воспринимаются как исходная справедливость, т.е. условия функционирования, в рамках которых при становлении индивидуального сознания (его выделения из общинно-родового) появляется правда. Это механизм развития метафизических реалий в восприятии; здесь фигурирует первичная истина.

При обратном – от субъекта (низшего) к абсолюту (высшему) происходит формирование социальной истины – формулы общественных реалий. Содержание справедливости становится принципом общественного функционирования, что и определяет абсолютизацию этого содержания как социальных реалий. Такая истина вторична, хотя также вполне абсолютна, ибо это её сущность.

Вторичны также и правда, и справедливость обратного направления. Вторичность эта определяет их инверсию относительно первичных, идущих от преданных реалий природы. Эта инверсия по-разному проявляется на уровне хозяйства, права, политики, религии, психики, искусства, языка, истории и науки. Основание становится следствием и наоборот; инверсия сводится, по сути, к формуле «другое другого» философии Гегеля: не правда определяется относительно истины, а истина относительно правды.

Нагнетание инверсивности заканчивается полным обращением понятий: формальные правда и справедливости подавляют фактические, истина заменяется правдой. Такое положение дел в итоге приводит к инфляции понятий: от них остаются только названия, ибо новый их смысл и новое содержание расходятся с семантикой этих названий в её первичном смысле. Предельная инфляция порождает различные формы социального протеста с целью восстановить единство названия (формы) и смысла (содержания).

Это восстановление возможно только путем вторичной инверсии, которая, однако, не вернёт ситуацию в исходное состояние, но создаст новую изменённую картину⁷⁴. В краткосрочной перспективе будет наблюдаться стабильное равновесие, но малейшая пролонгация этой системы покажет её метастабильность и несостоятельность в долгосрочной. Это выразится в новом нагнетании инфляции и примет вид циклического развития с «наматыванием» оборотов инверсии. В любом случае, первичный синкретизм понятий, обеспечивавший их единство и подлинное равновесие, более недостижим из-за линейности истории.

---

⁷⁴ Это похоже на движение по тригонометрическому кругу, каждый виток которого увеличивает угловой параметр: одна и та же точка круга соответствует значению 0, 2π, 4π и т.д. либо π, 3π, 5π, 7π и т.д.

Заключение

В качестве дополнения следует привести сравнения этих категорий со структурой лексического значения в лингвистике. Таковая содержит три уровня смысла: номинацию, денотацию и коннотацию. Первый уровень содержит простое название реалии словом, что отвечает сущности истины. Второй предполагает ассоциацию с названием какого-либо образа, знакомого говорящему; это соответствует правде в крайних положениях фигур и справедливости в роли синтеза. Третий означает включение понятия в культурно-семантическую систему языка, её оценку и устойчивое ассоциативное сопровождение, что в целом напоминает справедливость в крайних положениях фигур и правду в роли синтеза.

Т.о., истина, правда и справедливость в рамках языка предстают тремя уровнями одного и того же значения, о котором будет сказано ниже. Одновременно с этим в историческом аспекте проявляется соотнесение ключевых событий в эволюции этой триады категорий с этапами становления общества по Фридриху Энгельсу [5]. Так, первобытный синкретизм истины, правды и справедливости как стремление к общему благу в природных условиях присущ, очевидно, дикости – первой общественной стадии. Разделение этих трёх понятий характеризует варварство – примитивные протоцивилизации.

Наконец, цивилизации располагают уже разделёнными на метафизическую и гносеологическую истиной и на фактическую и формальные правдой и справедливостью. Цивилизации – это эпоха инверсий и инфляций, пик которых, очевидно, приходится на современный 21 век. Собственно, данные процессы в отношении рассматриваемых категорий во многом определяют нематериальные проблемы информационного общества.

Возвышение мнимой виртуальной реальности сочинительно (по аналогии с синтаксисом) связано с постоянной инверсией базовых духовных категорий, причём сама эта инверсия уже достигла собственной инфляции, поскольку она уже не обеспечивает даже кратковременного метастабильного состояния, и за одним обращением ценностей цивилизация постмодерна порождает новое. Впрочем, такой процесс набирает обороты примерно с середины 20 века как в России (тогда – СССР), так и во всём мире.

Примерами тому служат вырождение социалистических идеалов и их организационных воплощений: кризисы в странах Варшавского договора, расшатывание партийно-государственной системы и ряд других признаков. Мировыми примерами можно назвать начало глобальных экологических проблем и видимость их решения, продолжающуюся до сих пор, а также культурную инфляцию в целом, глобализацию, параллельную усилению региональных конфликтов, симуляцию реальности⁷⁵ и денатурацию⁷⁶ как уход от преданных истины существования в область фиктивных правды и справедливости.

В данной работе не рассмотрены отношения категорий на уровне до общества – в натуралистическом аспекте, в котором можно было бы выделить неорганический, органический неодушевлённый (биохимический) и органический одушевлённый (биологический) субаспекты, а в первом из них – механический, физический и химический подуровни⁷⁷. Это отвечало бы эволюционной градации природной истины и правды и справедливости научного поиска и познания. Однако такой подход не отвечал бы социально-практическим задачам настоящего изыскания.

---

⁷⁵ Baudrillard Jean. Simulacres et simulation. – Paris, Galilée, 1981.

⁷⁶ Pelletier B. Dénaturé http://fr.lyrsense.com/bruno_pelletier/denature.

⁷⁷ Приведённая схема представляет собой усовершенствование диалектической иерархии естественных наук, см. Энгельс Ф. Диалектика природы (нем. Dialektik der Natur) / Пер. с нем. – М.: Политиздат, 1987.

Кроме того, на натуралистическом уровне говорить об отдельном рассмотрении каждой из трёх категорий можно весьма условно, т.к. природа, определявшая первобытный синкретизм, сама пребывает в таком же состоянии. На уровне природы отсутствует мыслящий субъект, посему правды как таковой не существует, а значит, нет необходимости в её взаимодействии с истиной, порождающем справедливость. Т.о., натуралистический аспект представлен только истиной, отдельные предпосылки разделения которой закладываются не ранее биологического этапа.

В качестве интеграции всего вышесказанного⁷⁸ следует представить эволюционный ряд рассмотренных понятий, построенный по схеме гегелевской диалектики. Отношения истины, правды и справедливости описываются 6 схемами, но в целом их ряд может быть представлен так: истина {метафизическая/реалии природы – гносеологическая/метод – социальная/реалии общества} ↔ справедливость {фактическая – целостная – формальная} ↔ правда {фактическая – целостная – формальная}.

Данная схема позволяет объединить все данные категории в одно значение – честь в её понимании как единства истины, правды и справедливости в субъективном духе. Честь – то самое слово, компонентами лексического значения которого являются данные категории. Такое понимание в целом отвечает традиционному определению чести, зафиксированному в толковом словаре [7]. В свою очередь, честь выступает тезисом более масштабной триады, объединяющей духовные проявления человеческой культуры.

Антитезисом чести как чего-то неписанного, неформального выступает право – основание многочисленных дериватов с корнем **-прав-**. Право эволюционирует от управления до правительства через закон; это в общем соотносится с гегелевскими этапами морали, нравственности и государства. Связью между честью и правом выступает вера в честность права и правность чести, которая проходит тезис позитивной веры (религия), негативной (скепсис, атеизм, критика) и нейтральной, состоящей из истинности, правдивости и честности как проявлений истины, правды и чести через справедливость и наоборот.

В качестве собственно заключения, т.е. ответа на главный вопрос введения поясним следующее. Справедлива ли истина? Истина определяет справедливость как таковую, поэтому истина справедлива так же, как мокра вода и масляно масло. Истина не может быть описана через понятие, для которого она сама является основанием. Но если рассмотреть категории параллельно, независимо друг от друга, то истина справедлива, т.к. тождественна самой себе (если понимать справедливость как стремление к истине). Истинна ли справедливость? В связанном рассмотрении ответ опять не может быть дан, так как справедливость есть производная истины в другой плоскости – в этике. Однако параллельное рассмотрение даст ответ «нет», поскольку справедливость не содержит информацию, а только определяет её отношение к истине и правде.

Рассматривая отношения истины и справедливости в исторической перспективе, следует отметить, что истина (в особенности социальная) как абсолют существует только одномоментно, синхронически, т.к. временная протяжённость искажает восприятие реальности (пример – т.н. переписыванием истории, бытовавшее со времён летописей). Справедливость же связана с притязанием на некие права, обоснование которого содержится в истории вопроса, поэтому данная категория существует только диахронически. Т.о., истина и справедливость не могут существовать одновременно в одной точке пространства, поскольку один и тот же пункт космоса не может быть одновременно абсолютным и относитель-

---

⁷⁸ Далее представлены рассуждения автора, не связываемые им с господствующими теориями.

ным. Правда в такой системе занимает промежуточное положение, переходя из момента в историю (определяя справедливость) и обратно (устанавливая истину).

ЛИТЕРАТУРА

1. Борохов Э. Энциклопедия афоризмов. — М.: ООО «Издательство АСТ», 2000.
2. Положение о конкурсе философских сочинений на тему «Истина и справедливость» — официальный сайт Института философии РАН http://iph.ras.ru/truth_justice.htm⁷⁹.
3. Филология // Большой энциклопедический словарь. Языкознание/ Под ред. В. Н. Ярцевой. — М.: Большая российская энциклопедия, 1998. — С. 544—545.
4. Богданова О.А. Синкретизм первобытного сознания и его дифференциация (на примере нравственности). Диссертация ... кандидата философских наук. — Ростов-на-Дону, 1984.
5. Энгельс Ф. Происхождение семьи, частной собственности и государства (F. Engels. Der Ursprung der Familie, das Privateigenthums und des Staats)/ Пер. с нем. — М.: Политиздат, 1982.
6. Введение в литературоведение / Под ред. Л.В. Чернец. — М.: Высшая школа, 2004.
7. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. Н.Ю. Шведовой. — М.: Русский язык, 1986.
8. Философский энциклопедический словарь. — М. Сов. энциклопедия, 1983.
9. Этика: энциклопедический словарь / Под ред. А.А. Гусейнова и Р.Г. Апресяна. — М.: Гардарики, 2001.

---

⁷⁹ Дата обращения ко всем электронным ресурсам 15.08.2013.